

18+

ИЛЬЯ ВЕТОВ

ПАВЕЛ ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

КНИГА 1

Илья Ветов

Павел. Земля предков. Книга 1

«Издательские решения»

Ветов И.

Павел. Земля предков. Книга 1 / И. Ветов — «Издательские решения»,

Павел — не всемогущий попаданец с кучей бонусов, а обычный парень, к тому же бездомный. Когда-то из-за упрямства он выбрал улицу вместо жизни с отцом, о существовании которого даже не знал. Теперь же перед ним раскрывается мир оживших славянских мифов: сила течёт в самой земле, а плата за могущество измеряется лишь по-настоящему ценными вещами — золото здесь не в почёте.

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Павел. Земля предков Книга 1

Илья Ветов

© Илья Ветов, 2026

ISBN 978-5-0070-4684-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-4685-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Ты ещё вернёшься, сопляк! — кричит мне вслед Олег Николаевич.

Его голос эхом отдаётся в узком колодце двора, будто пытаюсь схватить меня за шиворот и дёрнуть обратно. Я не оборачиваюсь.

Спускаюсь с третьего этажа через окно, хватаюсь вспотевшими ладонями за выступы старых, кое-где проржавевших балконов. Пальцы скользят по металлу, сердце колотится где-то в горле, но я уже привык — стараюсь не обращать внимания на пропасть под ногами.

Ловко перепрыгиваю на кондиционеры торчащие из стен, которые словно грибы после дождя, облюбовали эту девятиэтажку. Ещё прыжок — на соседний, ближе к углу дома.

Внизу — асфальт, мусорный бак, пара чахлах кустов у подъезда. Ничего, что могло бы помешать. Разворачиваюсь, делаю последний рывок — и вот я уже на земле. Приземляюсь, слегка присев, чтобы смягчить удар, и выпрямляюсь.

Старухи возле подъезда снова затянули свои песни, выводя их скрипучим голосом.

— Пашка, господи! Ошалевший совсем! — взмахивает руками одна, сидящая на лавке. — Куда ж тебя черти-то понесли?!

Я не обратил на них внимания, только голову поднял к своему окну.

Олег Николаевич всё ещё стоит у открытой форточки. Вижу его силуэт в проёме — массивный, грозный; вена на полысевшей голове вздулась так, что кажется, лопнет в ту же секунду. Он провожает меня взглядом ещё мгновение, а потом с силой закрывает стеклопакет — так, что рама идёт ходуном, стекло дрожит, угрожая рухнуть вниз.

Я отхожу на пару шагов, вытираю ладони о спортивные штаны. Набрасываю капюшон поглубже и трусцой теряюсь между мусорных баков, ржавых коробок гаражей и припаркованных иномарок.

— Пусть в одно место себе засунет свои нравоучения! — пинаю стеклянную бутылку, та с хрустом врезается в поребрик, разлетаясь на осколки. — Припёрся спустя столько-то лет — и началось: туда не ходи, это не делай, с теми не общайся... Папаша, чёрт бы его.

Хотя какой он мне отец, — добавляю уже мысленно. — Так, левый мужик, не принимавший в моей жизни никакого участия.

Ускоряю шаг, ныряю за угол — и вот оно, старое футбольное поле. Трава клочьями, земля в трещинах, ворота без сеток — будто скелеты каких-то вымерших животных. Прислоняюсь к столбу, втягиваю холодный вечерний воздух.

— А мне, может, и не сдалась твоя забота, — шепчу, почти не разжимая губ.

Двадцать лет. Ни слова. Ни намёка. И вдруг — бац! Припёрся. Узнал про мать, про то, что она умерла. Вынюхал через свои связи, что есть сын. Тот, что уже в детдоме побывал и умудрился сбежать.

Первую встречу помню чётко. Сажу на лавке, смотрю под ноги. Вдруг шаги. Поднимаю голову — форма, начищенные до блеска туфли. Первая мысль: «Всё, конец». А он — улыбку растягивает, фоторобот сверяет и выдаёт:

— Ну, привет, Павел. Я твой отец.

Без тени сомнения. Как будто так и надо. И дальше — по накатанной: «Да мой ты, взгляд, нос, черты — всё моё!» — орёт и кулаком по столу. Только вот ничего твоего тут нет. Даже если ты и правда мой отец.

Глава 1

Мне нравилось приходить вечером в жилые дворы — просто сидеть, смотреть в окна, наблюдать за жизнью счастливых людей. Иногда даже доводилось смотреть телевизор, который забыли выключить.

На краткий миг я представлял: вот я сижу на той самой кухне, в кругу семьи, которой у меня никогда не было. Пью чай, смеюсь над шутками близких, слушаю невнятное бормотание нелепого шоу из телевизора. Всё казалось до боли реальным — тепло, семья, ощущение причастности. А потом это разбивалось о тишину и досадный вздох: пропадали близкие, смех, тепло. Только телевизор продолжал медленно сменять картинки.

И вот сейчас я сижу на лавочке. Мир привычно серый. Кутаюсь в куртку поплотнее, чтобы не околеть: зима подкралась незаметно — то обрушит снежные хлопья, то пригреет солнцем, превращая обычную прогулку в прыжки через слякоть с препятствиями.

Рядом дворник с увлечённым видом протирает дырку в асфальте: мести уже нечего, а он всё «шёрк, шёрк, шёрк», разгоняя влагу.

— Ну-ка, Пашка! — кричит он мне и тащит метлой окурки, фантики, листву.

Вскакиваю с лавочки, чтобы не забрызгало, отхожу на пару шагов.

— И тебе добрый вечер, дядя Миша, — отвечаю ему, стараясь улыбнуться как можно естественнее. Но не выходит.

— Чего сидишь тут, мёрзнешь? — он останавливается, достаёт из кармана пачку «Примы», закуривает. — Опять с Олегом Николаевичем поругался?

Молчу. Не хочу говорить об этом. Но дядя Миша и не ждёт ответа — он давно всё понял.

— Эх, молодёжь, — качает головой. — Всё вам надо по-своему. А жизнь — она, парень, не асфальт, её не подметёшь да в кучку не соберёшь. Тут думать надо. И слушать — и себя, и других.

Он затягивается, выпускает дым через нос. Взгляд усталый, но добрый — как у человека, повидавшего многое.

Ещё минуту курит, о чём-то думает, тяжело выдыхает клубы дыма и тянется к нагрудному карману спецовки.

— Голодный? На вот, — протягивает купюру, но не отпускает. — Сам когда-то таким был. — Он смотрит в хмурое небо, перебирая пальцы на черенке метлы. — Только у меня ещё пёс был. Верный, скотина. Когда я на улице убежал, он как-то находил меня, представляешь? — Дядя Миша кашляет, продолжает тише: — Пока он не пропал... В общем, не расстраивай близких. — Наконец кладёт мне в ладонь бумажку.

Душит алый огонёк окурка двумя пальцами и бросает в совок. Снова берётся за метлу — метёт не потому, что надо, а потому что больше ничего не умеет. Надо чем-то занять себя, чтобы мысли изнутри не сожрали.

Я сжимаю в ладони купюру — она ещё тёплая от его рук. Смотрю на дядю Мишу: спина сутулая, плечи опущены, но движения чёткие, отработанные. В этом монотонном «шёрк, шёрк, шёрк» — вся его жизнь: простая, тяжёлая, но какая-то настоящая.

— Спасибо, — говорю тихо.

— Да ладно, — машет он рукой. — Иди уж, не мёрзни.

Понимаю, что торчать тут больше нет смысла. Киваю ему и направляюсь со двора в сторону торговой улицы.

Слева — россыпь магазинчиков: ларёк с выпечкой, где пахнет тёплым хлебом, секонд-хенд с выцветшими вывесками, крошечная кофейня с запотевшими окнами. Справа — машины, неторопливо проплывают, разбрызгивая слякоть по дороге.

Останавливаюсь у кофейни — пахнет тут приятно, рука в кармане машинально сжимает мятую купюру. Всматриваюсь в стекло, тяжело вздыхаю. Чёрные длинные волосы. Серые угрюмые глаза, пара тёмных полумесяцев под ними. Поношенная одежда. Выражение лица такое, что им можно детей пугать: «Смотри, сынок, будешь плохо учиться — станешь таким же как тот дядя». Качаю головой, прогоняя мысль купить кофе, и шагаю дальше.

Вокруг снуют прохожие, уперев взгляды в тусклые экраны смартфонов, словно в них — спасение. Кто-то идёт, не отрывая взгляда от шахматной доски тротуара, погружённый в мысли, лишь бы не встретиться ни с кем взглядом. Каждый в своём панцире, каждый на своей волне.

Мне нравилось бродить, наблюдать за людьми, всматриваться в их лица. В каждом — кусочек жизни, в жестах и мимике — целая история. Каждый человек — мир, и я научился видеть хотя бы краешек этого мира.

Прохожие редели, сменяя бурный поток на маленький ручеёк. Только ветер гонял обрывки бумаги и полиэтиленовые пакеты. И где-то вдали всё ещё слышался гул проезжающего транспорта.

Нырнул в арку — в старый двор между пятиэтажек.

Тишина и почти безлюдно — знакомое ощущение. Казалось, само время здесь остановилось, застыло в этом отдельном уголке старины. Люди будто ведут вечную борьбу с наступающей цивилизацией: балконы ошетинились узорчатыми коврами, а клумбы охраняют карикатурные лебеди из старых покрышек — многократно перекрашенные, но неизменно с чёрными бусинами глаз.

Я потёр замёрзшие руки и выдохнул — пар тут же растаял в промозгом воздухе. Ветер усиливался, пробирал сквозь одежду, швырял в лицо пыль и мусор. Где-то вдали снова раздался гул.

В арку за спиной заехал полицейский внедорожник. Он сделал полукруг по двору и, скрипнув тормозами, остановился возле меня. Сердце ушло в пятки.

Окно опустилось — оттуда выглянул мужчина в форме: усы, ушанка на голове, цепкий взгляд.

— Пашка, ты тут, что ли, шатаешься! — хмуро произнёс он.

Я чуть расслабился — это был Олег Николаевич. Сейчас, наверно, начнёт уговаривать вернуться домой.

— Добрый вечер, Олег Николаевич, — произнёс я в шутливом поклоне.

— Не придуривайся, — бурчит он из машины. — Иди лучше сюда.

— Я домой не поеду, — отрезаю сразу же.

Он хмыкает. Но не уезжает.

— Да иди сюда, говорю. Ты тут сутками шляешься, может, сможешь мне.

Он зовёт ближе. Без улыбки. Я ещё немного думаю, но интерес пересиливает, и я подхожу.

Тот ловко ныряет к задним сиденьям и принимается шуршать какими-то вещами. Раздаётся короткий металлический звон. Наконец, отыскав нужное, он вытаскивает лист бумаги — тот слегка помятый, с загнутыми уголками, будто уже побывал не в одних руках, — и молча протягивает мне.

— Слушай, — тот подался ближе, — ты не видел эту девушку?

Я взял распечатанное фото, липковатое, затёртое, со следами чьих-то отпечатков. С листка на меня смотрела девушка моих лет — таких сотни в нашем городе: прямые волосы до плеч, ровный овал лица, сдержанный взгляд. Ничего примечательного.

— Нет, не видел, — отвечаю, но всё равно напрягаю голову: вдруг видел, просто пропустил мимо глаз.

Олег Николаевич вздыхает, потирает усы и произносит:

— Да, город у нас... ну, сам видишь — странный. В последнее время вообще что-то творится непонятное. Люди пропадают — раз, и нету! Словно сквозь землю провалились, честное слово.

Я ещё раз смотрю на фото, запоминаю черты лица — может, потом где-то мелькнёт, узнаю. И отдаю листок обратно.

— И это... — он задумчиво стучит пальцами по рулю. — Давай прекращай строить из себя бродягу и возвращайся домой. Честно, я уже устал нервничать и гоняться за тобой по всему городу.

Я только кивнул в ответ. Не говоря больше ни слова, он хмыкает, нажимает на кнопку — стекло медленно ползёт вверх, отделяя нас.

Машина тронулась, шурша протектором по сырому асфальту, и неторопливо покинула двор, оставив меня в одиночестве.

С неба медленно срывался снег, кружился в воздухе и таял на лице. Куда идти? Выбор скудный. Только в подъезд — и молиться, чтобы какой-нибудь бдительный житель не выгнал меня пинками.

Глава 2

Я сидел на лавочке у подъезда и вслушивался в тишину, которую ещё час назад заглушал городской гул. Ветра не было. Одинокие снежинки падали под оранжевый купол фонаря практически горизонтально, произвольно приковывая к себе взгляд.

Человечество словно затаилось: улицы оказались практически пустыми.

Магнитные замки наотрез отказывались меня впускать. А из квартир через домофон я наслушался нецензурной брани. Желание просить впустить меня сразу отпало. Нарвусь — костей не соберу: мало ли на кого можно попасть.

Эх... Кто-то сейчас уютно устроился дома — под одеялом, с чашкой горячего чая, перед экраном телевизора. Безопасность, комфорт, покой.

Одни, не желающие видеть реальность, выбежали под снег... Мой взгляд невольно зацепился за влюблённую пару. Они считали его чем-то волшебным: смотрели на снежинки с восторгом, держались за руки, что-то шептали друг другу. Для них это и правда было чудом.

А я вижу в снеге лишь проблему. Никакой это не символ зимы, не волшебство и уж точно не повод для радости. Просто холодная, неуютная погода, которая требует усилий, чтобы не окоченеть. В таком мире, где не знаешь, где проснёшься завтра, романтике места нет.

Окинул взглядом подъезд — дверь, козырёк, доску с объявлениями. Пальцы машинально нащупали оберёг.

Я достал его и повертел перед глазами.

Интересная безделушка: серебряный амулет на потрёпанной верёвочке с изображением ветвистого дерева. «Древо жизни», — как мне сказали на блошином рынке, где я хотел выменять его на плеер после того, как нашёл у реки.

— Помогает найти верный путь, притягивает удачу, — проговорил торгаш, с интересом разглядывая мой амулет. Он покрутил его в руках, поднёс к свету, провёл пальцем по узору ветвей. — Видишь, как линии ложатся — будто дороги на карте. В старину такие странники носили...

Он помолчал, прищурился, будто что-то прикидывал в уме, а потом помотал головой и вернул обратно, сославшись, что это простая цацка.

— Да и кому он нужен? — хмыкнул он. — Мода на старину прошла. Молодёжь теперь в гаджетах счастье ищет.

Ну и я решил его себе оставить.

Я покрутил амулет в пальцах и повесил на шею. Глупость, конечно. Но пусть будет.

— Ну давай, притягивай удачу, — прошептал себе под нос.

Не то чтобы я всерьёз в это верил... Но там, где надежды совсем нет, ты начинаешь верить во всё, лишь бы не падать духом. Особенно сейчас.

«Выйдет кто-нибудь сегодня или я тут совсем околею?» — пронеслось в голове. Но ничего не изменилось: всё те же знакомые детали, только на доске объявлений под козырьком со вчера прибавилась пара фотографий с тревожной припиской «Пропал».

Я приблизился к доске. Десяток фотографий: взрослые, дети, старики. На вид — приличные люди, хорошо одеты, видно, что жили в достатке. И всё равно в один день просто исчезли.

Хмыкнул и посмотрел на одну фотографию — ту самую, что показывал мне Олег Николаевич.

«Ольга Кузнецова, двадцать лет. Пропала. Ушла из дома и перестала выходить на связь. Все, кто её видел, просьба позвонить по номеру телефона».

«Не смогу позвонить, даже если найду... Не с чего», — мрачно пронеслось в голове.

В этот момент, домофон издал короткий писк, массивная дверь подъезда резко распахнулась, и на улицу вышли подростки. Они увлечённо спорили, энергично размахивали руками.

Но стоило им поймать мой взгляд, как все разом замолчали. Я коротко кивнул в знак приветствия и невольно проследил за ними. В тот же миг я осекся, осознав, что дверь уже начинает закрываться. Не раздумывая, в два стремительных прыжка я подскочил к ней и ловко втиснул ногу в щель между дверью и косяком, не дав ей захлопнуться. На губах невольно появилась улыбка, и я спокойно прошёл внутрь.

Тепло... Я потерял руки, задумался: что это слово значит для обычного человека и для меня? Для кого-то — это просто температура, горячий чай, плед. Для меня — не мелочь, не данность. Оно ценно, как редкая драгоценность, в то время как обычный человек видит в нём лишь одноразовый пакетик чая.

Пространство ничем не выделялось среди множества таких же панельных домов. Почтовые ящики, потёртый лестничный пролёт, мусоропровод, из которого сквозило затхлым запахом протухших овощей... Но больше всего меня обрадовала старая чугунная батарея, примостившаяся у стены. Зачем она здесь? Для кого? Я не понимал, но мысленно поблагодарил того, кто когда-то её сюда повесил.

Я медленно присел и облокотился спиной о шершавую поверхность батареи.

Пришёл я сюда спать, а сон, как назло, отказывался приходиться. Он медленно поглощал меня, затягивал в свою бездну, закручивал в спираль, выжимал, словно половую тряпку. В какой-то момент мне казалось, что я разрастаюсь до исполинских размеров, — а в следующий миг сжимаюсь до крошечного муравья. И сколько я провёл в этом круговороте, я не понимал, но что-то заставило открыть глаза.

Раздался скрип и характерный писк домофона — дверь подъезда медленно приоткрылась, натужно поскрипывая петлями. Я приоткрыл один глаз. Никого. Только ледяной ветер, резко, почти зло, укусил за ноги и умчался по лестнице, исчезая на верхних этажах.

Поёжился, поплотнее закутался в куртку. «Замки что ли перестали работать, или кто-то балуется?» — мелькнула мысль. Но вставать я не решился.

«Сама захлопнется рано или поздно», — думал я. Но дверь наотрез отказывалась закрываться. Полминуты... минуту... Я сидел, не отрывая взгляда от слегка приоткрытой двери, и терпеливо ждал.

И вдруг с улицы послышался голос — словно кто-то негромко пел. Красивая мелодия, слов не разобрать, но что-то в ней было странное. Хотелось встать и идти в её сторону: она обволакивала непривычным теплом в этот холодный вечер.

Привстал, сделал шаг к двери — та тихо поскрипывала от сквозняка, портя своим скрежетом мелодию. «Какая невоспитанная дверь, — подумал я, — как можно так фальшиво подпевать такой прекрасной музыке?» Я подошёл вплотную, опуская ладонь на прохладный металл ручки.

Распахнул дверь и раскрыл рот от удивления. На лавочке возле подъезда, куда ещё доставал тёплый свет от фонаря, сидела девушка. Мерно покачивая ногами на весу, она тихо пела — и казалось, что эта причудливая мелодия проникала в сознание, приятно щекоча мозг.

Она медленно повернула голову в мою сторону и замолчала, растягивая губы в улыбке.

Я стоял, не зная, что сказать. Мне и не пришлось — она заговорила первой:

— Прости, я помешала? — Тихо произнесла она, с интересом меня разглядывая.

— Нет, — ответил я. — Красиво поёшь.

Девушка чуть склонила голову, и в свете фонаря я вдруг разглядел её глаза. Светло-зелёные, почти серые. Из-под капюшона выбивались рыжие волосы, и я невольно залюбовался, как на них играет свет.

— Спасибо, — сказала она. — Я иногда выхожу сюда. Тут тихо, спокойно... и никто не осудит за то, что поёшь в полночь.

— В полночь? — опешил я, вспоминая, что, вроде, когда закрывал глаза, должно было быть примерно часов шесть вечера.

Она слегка рассмеялась и ответила на мой глупый вопрос:

— Ага, полночь. Я ещё когда сюда пришла, видела, как ты пузыри у батареи пускаешь. Попытался придумать хоть какое-то оправдание.

— Просто отдыхал с закрытыми глазами, — с нарочитой деловитостью ответил я.

Она снова улыбнулась — открыто и так добродушно, что уголки моих губ сами собой поползли вверх. Я попытался сдержать улыбку, но не вышло: от того она вышла немного нелепой

— Да ладно, — махнула она рукой. — В жизни всякое бывает.

Я закутался в куртку — ветер пробирал до костей. «Ну и холодина! — подумал я. — А она тут сидит, песни поёт, будто на курорте».

— И давно ты тут? — спросил я.

— Минут двадцать, может, полчаса, — она пожала плечами.

— Странно, — произнёс я. — У меня ощущение, будто я только-только присел.

— Бывает, — кивнула она. — Когда устал по-настоящему, время летит незаметно. Или наоборот — замирает. Как будто мир делает паузу специально для тебя.

Мы помолчали. Снежинки продолжали падать — медленно, размеренно, будто подчиняясь какому-то своему ритму. Фонарь мягко освещал наш маленький островок тепла посреди зимней ночи.

Неосознанно сжал амулет, висящий на груди, в ладони. Она замечает движение, чуть склоняет голову.

— Интересная вещица, — произносит она, с интересом смотря на амулет в моей руке. — Что это?

— Да так, талисман, — я медленно снял его с шеи, давая получше разглядеть, держа за верёвочку.

— Выглядит старинным, — замечает она. — Где ты его взял?

— Возле реки нашёл, — отвечаю как есть. — Камень у берега пнул, а он там лежит. Сначала подумал — обычная железка. В воде сполоснул и увидел узор красивый, с деревом. Хотел обменять, — с досадой почесал затылок, — но не срослось. Вот себе оставил.

— Любопытно, — шепчет она. — Говоришь, у реки?

Я лишь киваю.

— Этот символ... — она поднимает на меня глаза, — Это не просто украшение.

— Обычное дерево? — пожимаю плечами.

— Не просто дерево. Это Древо Жизни. В старых легендах говорится, что такие знаки появляются там, где миры соприкасаются.

— И что это значит? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал безразлично, но внутри поднимается интерес.

В её глазах мелькает что-то, чего я не могу разгадать — то ли сочувствие, то ли предостережение.

— Никто не находит Древо Жизни случайно, — произносит она. — Оно выбирает. Оно зовёт тех, кто готов услышать.

Между нами повисла тишина, я не знал, что ей на это сказать. Как обычный диалог перерос в какое-то пророчество? Я усмехнулся и повесил амулет обратно на шею.

Всё же решаюсь спросить:

— А ты откуда всё это знаешь?

— Да так, — она отмахнулась и снова замолкла, глядя куда-то вдаль.

Я пару раз кашлянул в кулак и спрятал руки в карманы, чувствуя себя неловко.

— А часто ты так... поёшь по ночам? — решаюсь спросить, чтобы развеять молчание и перевести тему.

— Когда на душе тяжело, — ответила она просто. — Музыка помогает. Она как мост между тем, что внутри, и тем, что вокруг. Когда поёшь, кажется, что мир тебя слышит. И отвечает.

Её слова задевают что-то внутри.

— Понимаю, — киваю ей.

— Вот и хорошо, — она улыбается. — Значит, мы оба знаем, как найти опору, когда вокруг всё шатается.

Она встаёт, отряхивает снег со штанин.

— Мне, пожалуй, пора.

— Да, конечно, — торопливо соглашаюсь я. — Тебе далеко идти?

— Вдоль, реки — показывает рукой.

— Меня, кстати, Катя зовут, — добавляет девушка, слегка наклонив голову.

— Павел, — отвечаю я, невольно улыбаясь в ответ.

— Тогда ещё увидимся Павел, — она слегка кивает мне, и разворачивается.

Я ещё минуту стоял заворожённо, наблюдая, как в снежной дымке исчезает её силуэт, я тяжело выдохнул, направился обратно в подъезд, — благо дверь всё ещё скрипела петлями, не желая закрываться.

— Ну и ну, — пробормотал я, потирая замёрзшие уши. — Романтика, конечно, та ещё: стоять тут, мёрзнуть, смотреть вслед загадочной незнакомке...

Дверь, словно соглашаясь, скрипнула особенно жалобно.

— Да-да, я иду, — фыркнул я и, напоследок бросив взгляд в сторону улицы где уже ничего не было видно, кроме танцующих снежинок.

Глава 3

Пробуждение выдалось неприятным. Были вообще дни, когда оно было приятным? Вопрос...

Я открыл глаза, ещё мгновение приходил в себя, пытался проморгаться — сон не хотел уходить. В глазах пелена, тело затекло от долгого пребывания в одном положении.

«Встречай меня, мир: на часах восемь утра, я почти в добром здравии, на повестке дня — борьба за выживание», — был бы я диктором на радио, наверное, начинал день именно с этих слов.

Потянулся, щёлкая суставами, и поднялся. «Далее в нашей программе — прогноз погоды: за окном наблюдается лёгкий мороз, приблизительно минус два градуса, по ощущениям... Сейчас глянем».

Открыл дверь подъезда, замер. Я смотрел на запорошенный снегом двор и качал головой. Сегодня воскресенье, и, видимо, именно я буду первым, кто проложит путь людям, пока те отсыпаются в своих тёплых кроватях.

Подхватил рукой горсть снега и растёр лицо. Тот ужалил прохладой, ещё немного помучил меня — и кожа привыкла. Достал из внутреннего кармана зубную щётку и пасту, принялся чистить зубы.

Я решил чем-то себя занять, пока задумчиво шуршал щёткой. Подошёл к доске объявлений и принялся разглядывать фотографии.

«Павел, — подумал я, — неужели ты решил стать сыщиком?»

Я усмехнулся своим мыслям и, вспомнив старые детективы, решил действовать по проверенной схеме: для начала нужно найти, что объединяет этих людей. Ну, к сожалению, единственное, что их объединяло, — это надпись под каждой фотографией: «Ушёл и не вернулся».

«Ну и хреновый же из тебя детектив, Павел...» — с горькой усмешкой подумал я, разглядывая фотографии.

Закончив с утренними процедурами, я закинул в рот горсть снега, прополоскал рот. Холод на мгновение отрезвил, но не помог решить вечную дилемму: перед тобой раскинулся целый мир — огромный, многообещающий, — а ты, как назло, понятия не имеешь, чем себя занять.

Услышал шум со стороны арки. К соседнему подъезду, разрезая тишину, ритмично мигая проблесковыми огнями, медленно подрулил знакомый внедорожник. За рулём сидел Олег Николаевич и нервно дёргал усами.

Я невольно напрягся. «Опять что-то случилось...» — пронеслось в голове, и я настороженно покосился на машину.

Она остановилась. Я подошёл ближе, с интересом разглядывая патрульных. Дверцы открылись, и из салона вышли двое. Статный мужчина: спина прямая, плечи широкие — таким место в элитных подразделениях, а не на патрулировании улиц. И мой знакомый, Олег Николаевич, встревоженный, сонный.

— Доброго утра, хранители порядка, — я склонил голову в коротком почтительном жесте, сам не зная, чего ожидать.

Мужчина, судя по всему — старший, позволил себе едва заметную улыбку: сдержанную, сугубо деловую.

— Слышь, шутник, — обратился ко мне Олег Николаевич, — ты что тут делаешь?

— Ночевал, — я небрежно пожал плечами. — Вчера там, сегодня тут, а завтра, может, и на небе с архангелами, если в такой мороз не найду, куда прибиться. Вольный человек — где ночевать, выбираю сам. А что?

— Не язви, — буркнул старший, доставая сигарету и неторопливо закуривая.

— Так, ладно, некогда нам тут с тобой болтать, — Олег Николаевич поправил ушанку на голове. — Ты стой тут, а мы пока поднимемся в квартиру.

— А что случилось-то? — непонимающе посмотрел я на него.

— Очередной ребёнок пропал, — буркнул он и направился в подъезд. — Костик, пойдём, — обратился он уже к своему товарищу. Тот неторопливо курил, коротко кивнув, бросил взгляд на недокуренную сигарету, выдохнул густое облачко дыма и неожиданно протянул её мне.

— Держи, — произнёс он негромко. — Покури.

— Не курю, — я отстранился от сигареты.

Он удивлённо посмотрел на меня — наверное, посчитал, что если я живу на улице, то обязан курить эту гадость. Хмыкнув, он деловито выбросил сигарету в урну и направился в подъезд.

— Ты ничего подозрительного не видел? — развернулся он ко мне уже у самой двери.

— Нет, не видел, — я скрестил руки на груди. — Всю ночь тут дежурил, как добропорядочный гражданин, не смыкая глаз. Мимо меня даже муха не прошмыгнёт, — съязвил я.

— Я серьёзно, — он посмотрел мне в глаза.

— Серьёзно, ночевал в соседнем подъезде всю ночь. Тихо, даже на удивление.

— Понятно... — протянул он. — Ладно, стой тут. Нужно будет ещё пару моментов уточнить.

Его губы растянулись в хмурой улыбке, и он зашёл внутрь.

Я подошёл ближе. На втором этаже была открыта дверь: в квартире кто-то рыдал. Потревоженные жители уже выглядывали в подъезд, кутаясь в халаты и наспех накинутую одежду. В подъезде становилось людно.

Я решил не наблюдать за столь душеспитательной картиной и вышел обратно.

Одна мысль кольнула меня сильнее остальных: неужели я теперь могу стать главным подозреваемым? Наверное, нет — будь я им, на меня бы уже надели наручники. Отделался всего лишь устной просьбой подождать. Ладно, подождём. Снег уже перестал идти, да и ветер стих — так что проблем с этим не будет, не окалею.

На третьем этаже хлопнула форточка. Я поднял голову: оттуда, пролетев по дуге, упал окурок. Какой-то мужик, видимо не найдя пепельницу, решил, что двор — подходящее место для окурка.

Я вздохнул, подошёл ближе, наблюдая, как от пепла отделяется тонкая струйка дыма, что пытается ещё ухватиться за свой мир в виде окурка и, истончившись, испаряется в прохладном воздухе.

— Интересно, а это ещё что такое, — бурчу себе под нос, немного склоняясь над окурком.

Следы, маленькие, чуть припорошенные снегом, но всё ещё заметные. Ну, следы и что? Пронеслось бы у обычного прохожего в голове, но только вот одна загвоздка: следы босых ног, детских ног. Они тянулись вдоль дома и уходили за угол.

Я замер, чувствуя, как по спине пробежал неприятный холодок. В такую стужу — босиком? По снегу? Нелепость. Но следы были настоящими: каждый пальчик отпечатался, каждый изгиб ступни. Медленно выпрямившись, я огляделся. Ни детей, ни взрослых поблизости не было. Только скрип старых качелей вдалеке да шелест голых ветвей.

Понять, что к чему, оказалось куда проще, чем я ожидал. Я осторожно зашагал по следу, стараясь не затоптать отпечатки, и невольно хмыкнул про себя: «Если всё-таки отыщу этого малыша, мне, поди, медаль вручат... Хотя, честно говоря, сейчас я бы не отказался от горячего супа».

Заречный... Не самый большой город, но и не такая уж глушь. И всё равно искать здесь пропавшего — что гоняться за призраком.

Но шанс ещё есть. Пока любопытные соседи не повыходили на улицу, пока чьи-то сапоги не затоптали едва заметные следы, я могу попробовать выстроить маршрут — пусть даже приблизительный.

«Зачем я это делаю?» — мысль царапнула изнутри. Ответа нет. Или он есть, но спрятан где-то глубоко. Наверное, потому что когда-то и я мечтал, чтобы меня нашли. Чтобы не оставили одного в темноте, в холоде...

— Пу, пу, пу, — выдохнул я, и в воздухе повисло облачко пара. Почесал горящую от мороза щёку.

Мой взгляд скользнул по дороге. В асфальте уже не угадывались детские босые следы — они безжалостно раздавлены протекторами проезжавших машин. За дорогой начинался пологий спуск, а дальше, сверкая на восходящем солнце, текла река.

— Ну что, ищейка, — тихо обратился я к себе, — след оборвался.

Всё же дождавшись, пока поток машин иссякнет, я осторожно перешёл на другую сторону. И замер: к моему удивлению, следы продолжались. Я-то уже решил, что беглеца подобрали где-то у дороги и увезли прочь, — но вот они, отчётливо видны...

Обрываются у самой кромки воды. Словно ребёнок просто вошёл в реку и поплыл дальше.

Я постоял, вглядываясь в течение, потом обречённо махнул рукой.

— Пускай теперь с этим разбираются те, кому положено, — пробормотал я. — По крайней мере, я сделал всё, что мог.

Пора возвращаться и рассказать Олегу Николаевичу. Чтобы он не подумал, будто я просто сбежал.

Ещё раз оглядел берег и саму реку, не хотелось даже думать, что он попросту мог отправиться вплавь — на улице минусовая температура, шансов выжить ноль. Но что теперь гадать... Я перевёл взгляд на противоположную сторону — там, за рекой, темнели силуэты каких-то построек.

Когда-то здесь стояло обычное село: узкие улочки, невысокие деревянные домики. Но неумолимая поступь цивилизации изменила всё. Сначала пришли новые улицы, потом выросли многоэтажки, затем появились частные сектора с роскошными дачами — и вот уже перед глазами сюрреалистичная картина контрастов: «до» и «после».

По эту сторону реки — шум, суета, современные здания. По ту — тишина, запустение: заросшие бурьяном, покосившиеся хатки. Я стоял на этой невидимой границе двух миров — между городом и древней, как сама жизнь, глухоманью.

И всё же там кто-то жил. Вон, из трубы одного из домиков робко пробивался слабенький дымок, поднимаясь в серое небо.

«Почему я не додумался перейти на светлую сторону? — подумал я. — Не облюбовал один из этих брошенных домов?..»

Наверное, рядом с цивилизацией жить всё-таки проще — чем в той глуши, среди одиноких стариков.

Пора прекращать эти бесконечные размышления. Я вдруг осознал, что уже несколько минут стою посреди дороги. Машины яростно сигналият, водители с недоумением вертят пальцем у виска и что-то кричат в открытые окна. А я всё стою — словно застыл между светом и тьмой, не в силах выбрать, к какой стороне примкнуть.

Я коротко усмехнулся, тряхнул головой и наконец покинул проезжую часть.

Я подходил к подъезду. На лавочке, ссутулившись, сидел Олег Николаевич и курил. Эту вредную привычку я за ним раньше никогда не замечал.

Я приблизился. Руки Олега Николаевича подрагивали. Он сидел, уперев локти в колени, взгляд был потухшим. Когда он поднял глаза, в них читалась не только усталость — там сквозила явная нотка раздражения.

— Я же просил никуда не уходить, — произнёс он, сделал затяжку и хрипло закашлялся.

— Я и не уходил, — ответил я, стараясь говорить спокойно. — По крайней мере, не окончательно.

Олег Николаевич горько усмехнулся, медленно потушил сигарету о край урны.

— Придётся поехать с нами, — он коротко кивнул в сторону припаркованной неподалёку машины.

Я лишь тяжело выдохнул.

Глава 4

Кабинет был небольшим, но уютным. У окна стоял массивный деревянный стол, заваленный документами: на нём горела настольная лампа, высилась стопка папок. Рядом примостился старый, но крепкий стул. В воздухе витал аромат бумаги и свежесваренного кофе.

Я невольно закрывал глаза — меня клонило в сон, — тут же одёргивал себя и принимался отвечать на очередной вопрос.

— То есть ты нашёл следы, и они привели тебя к реке? — Олег Николаевич постучал карандашом по столу, пристально рассматривая меня.

— Именно так.

— Почему ты нам сразу не сказал? — в его голосе прозвучало лёгкое раздражение.

— Не знаю... Просто хотел сначала сам всё проверить, — я опустил взгляд.

— И что, проверил?

— Проверил...

Олег Николаевич откинулся на спинку кресла, ещё раз постучал карандашом. Потом резко оборвал ритм и посмотрел мне прямо в глаза.

— Да, Паша... — он слегка усмехнулся. — Если бы я тебя не знал, то подумал бы, что это ты у нас в городе людей ворует.

— Кто, я? — по спине пробежал неприятный холодок. — Да вы же меня знаете! Какое ещё воровство? Это же целая операция: сначала поймать, потом где-то спрятать... — я резко захлопнулся, запоздало понимая, что мои слова прозвучали странно.

Он громко хохотнул, отбросил карандаш и заулыбался:

— Хреновый из тебя похититель, в таком случае. — Он сделал паузу что бы отдышаться. — Не пугай меня, Паша. Я ведь могу и вправду приписать к тебе все исчезновения. — Проведя ладонью по лицу, он окинул взглядом стол, будто ища опору. — Кстати, ты же бездомный? Давай я тебе путёвку выпишу — в одно не столь отдалённое место.

— Нет... Пожалуй, откажусь, — я усмехнулся.

Олег Николаевич снова расхохотался, но почти сразу стал серьёзным.

— Не смешно это уже всё, не смешно... — Он упёр взгляд в бумагу, на которой что-то писал уже минут пятнадцать, и надолго задумался. Пальцы начали выстукивать ритм по столешнице: раз-два-три, пауза, снова раз-два...

Вдруг откуда-то из-под толщи бумаг раздался приглушённый звонок — будто доносился из-под воды. Олег Николаевич вздрогнул, вынырнул из глубоких раздумий и принялся ворошить листы. Шелест бумаги, глухой стук смартфона — и вот он уже держит его в руке, прищуривается, вглядывается в экран.

— Вот сейчас и посмотрим, прав ты или нет, — буркнул он, принимая вызов. Прижал телефон к уху, выпрямился в кресле и уже совсем другим, деловым тоном произнёс:

— Да, слушаю. Что у вас?

Его лицо на мгновение застыло, брови сошлись на переносице, пальцы непроизвольно сжались на краю стола. Он коротко кивнул сам себе, бросил на меня взгляд — холодный, оценивающий — и коротко бросил в трубку:

— Понял. Ждите, выезжаю.

Он убрал телефон в карман и обратился ко мне:

— Ты оказался прав: следы возле воды предположительно того пацана.

— Его найдут? — поинтересовался я.

Олег Николаевич затянул пояс куртки, проверил карманы и вздохнул, глядя куда-то в сторону:

— Не так всё просто, Паша. Будем ждать водолазов, прочёсывать реку вниз по течению. — Он помолчал, словно взвешивая каждое слово. — Конечно, хочется верить, что он не утонул. Что его заметили добрые люди, отогрели, приютили... Но пока у нас нет ни одной зацепки, кроме этих следов у воды.

— Понятно, — выдохнул я.

Олег Николаевич кинул вопросительный взгляд, потом приоткрыл дверь и махнул рукой:

— Давай-давай. Погрелся, теперь вали отсюда. — Он кивнул головой в сторону выхода.

— Если ты нам ещё понадобишься, не переживай — найдём.

— В том, что найдёте, я не сомневаюсь, — я плотнее заматался в куртку. — Вы можете ехать, Олег Николаевич. Я тут ещё немного посижу, соберусь с мыслями — и пойду, — пробубнил я, прикрывая глаза.

Он замер на пороге, обернулся и бросил с нарочито хмурой улыбкой:

— Могу тебя в обезьянник запереть — там со своими друзьями погреешься.

В его голосе прозвучала едва уловимая насмешка, но глаза оставались серьёзными.

Я невольно усмехнулся в ответ:

— Спасибо, пожалуй, обойдусь без такого гостеприимства. Лучше уж на свежем воздухе.

Олег Николаевич хохотнул, покачал головой:

— Ну сам смотри.

Я лишь коротко кивнул и нехотя покинул теплое помещение.

Улица встретила меня какофонией звуков — гулом проезжающих машин, обрывками разговоров прохожих, скрипом тормозов. Дороги и тротуары превратились в вязкую слякоть. Она хлопала под ногами. Я не любил такую погоду. Сырость пробиралась сквозь обувь, одежда быстро становилась неприятно влажной. В такие моменты особенно остро хотелось, отрастить крылья и улететь куда-нибудь на юг — туда, где солнце и тепло, подальше от этой промозглой сырости.

Я выдохнул в ладони, согревая их, и потёр друг о друга. Сколько же времени я уже провёл в участке? Мысль повисла в воздухе, пока взгляд бесцельно скользил по улице.

Над витриной одного из магазинов висел небольшой светодиодный экран. На нём, словно в бесконечной погоне, сменяли друг друга надписи: «Свежий хлеб», «Молоко», «Мясо». Картинка мигнула — и вот уже на экране высветились время и температура.

12:32. Температура: ровно ноль.

Шаг со ступенек — и слякоть мгновенно заползла в дырку на носке старого кроссовка. Я поморщился, стяхнул влагу, пытаюсь сохранить остатки оптимизма: «Ладно... Могло быть хуже». Но едва эта мысль промелькнула, я усмехнулся. Вспомнил, кто я. И понял: нет. Хуже быть не могло — по крайней мере, пока.

«С вами снова Павел», — голос в моей голове уже звучал уверенно, будто я и правда сидел в студии перед микрофоном. Я даже мысленно откинулся на спинку кресла диктора и продолжил: «Слякоть под ногами. Грязь, липнущая к подошвам. Хмурые лица прохожих, спешащих укрыться от сырости... Спросите, что это за чудесное место? Добро пожаловать в наш любимый город — Зареченск! В кармане лежит купюра. Да, её стоило бы потратить на что-то съедобное. Но разве может быть что-то важнее надежды? Спросите, на что я их потрачу? На лотерею!»

Я подошёл к переходу, дождался зелёного сигнала светофора, пересёк дорогу и свернул на соседнюю улочку. Взгляд сразу выхватил знакомое здание старого почтового отделения — оно стояло, зажатое с двух сторон магазинами с кричащими неоновыми вывесками.

Я поднялся по обшарпанным ступенькам и распахнул дверь. Она скрипнула на ржавых петлях. Внутри пахло старой бумагой, к которой примешивался запах канцелярского клея.

Сунул руку в карман и нащупал купюру.

— Один билетик, пожалуйста, — я положил на поцарапанный прилавок мятую банкноту, хлопнув ладонью по дереву.

Женщина за стойкой медленно приподнялась со стула. Её взгляд скользнул по мне. Она хмыкнула, будто прочла все мои наивные надежды, и неторопливо потянулась к плетёной корзине с лотерейными билетами.

— Нет, не этот, — настойчиво направил её руку в сторону. — Вон тот, пожалуйста. Жёлтый, с большим домом на рисунке. Он кажется более удачным.

Взял билетик в руку, зашарил по карманам в надежде найти, чем можно отодрать защитный слой, пусто. Начал сдирать грязным ногтем. Первый квадратик — единица, второй — ноль, третий — восемь, и четвёртый, за которым скрывается истина: выиграю я дом или пойду дальше шататься по округе. Так, так...

Я даже мысленно уже сидел под пледом у камина, слушал, как потрескивают дрова, и потягивал горячий чай.

Последний квадратик поддался с тихим треском. Я затаил дыхание, вгляделся. Пусто. Ни цифр, ни символов, ни заветного «ПРИЗ». Просто гладкая серая поверхность — будто насмешка над всеми моими мечтами.

Я замер, чувствуя, как внутри что-то обрывается. Всего несколько секунд назад я уже видел этот дом, слышал треск дров в камине, ощущал тепло чашки в руках... А теперь — снова улица, снова холод.

Пальцы непроизвольно сжались, смяв билет. Хотелось швырнуть его в урну. Но вместо этого я медленно расправил смятую бумагу, разгладил её на ладони.

— Ну вот, опять, — выдохнул я,

— А число-то необычное, молодой человек.

Я обернулся. За прилавком стояла та самая женщина, что продала мне его. Она смотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Что? — переспросил я, всё ещё находясь во власти разочарования.

— Число, говорю, необычное — 108.

Я посмотрел на билет. Ну да, 108.

— И что с того? Приза-то нет, — я попытался усмехнуться, но вышло кисло.

— Приза нет, зато знак есть, — спокойно ответила она. — В старину 108 считали числом перемен. Не всегда хороших, не всегда лёгких. Но всегда — важных.

Её голос звучал так, будто она передавала древнюю тайну.

— То есть... вы хотите сказать, что это не просто билет? — я недоверчиво поднял бровь.

— Я хочу сказать, что перемены редко приходят с мешком золота, — она подмигнула. — Чаще они начинаются с малого: слова, взгляда, числа. Главное — не пройти мимо.

Я выдохнул и убрал билетик в карман. «Перемены... — подумалось. — Что я, сегодня не окоченею на морозе ночью, или меня накормят? Вот и все мои перемены. Не дом с террасой, не сад...»

Но всё равно поблагодарил женщину.

— И на том спасибо, — сказал я, слегка кивнув.

Она протянула руку и легонько коснулась моего запястья — всего на мгновение, но от этого прикосновения по коже пробежал странный, почти электрический ток.

— Помни, — повторила она тише, — перемены начинаются тогда, когда ты решаешь, что готов их принять.

И отпрянула, будто и не говорила ничего.

Я ещё раз коротко кивнул, повернулся и зашагал к выходу. Резко распахнул дверь — и та с глухим, тяжёлым стуком во что-то ударилась. Я замер, не сразу понял, что произошло.

Погружённый в свои мысли, не заметил стоявшую за дверью девушку — и буквально сбил её с ног. Она вскрикнула, в воздухе мелькнули руки, пытающиеся удержать равновесие, — но тщетно. С плеском и брызгами она приземлилась на мокрую площадку перед дверью.

— Да что ж такое! — вырвалось у неё. Девушка выругалась, не жалея матерных конструкций, от чего показалось, как ближайšie прохожие начали закрывать уши своим детям. Убрала с лица прядь волос и подняла на меня возмущённый взгляд.

В её образе мелькнуло что-то знакомое. Я сопоставил два образа в голове: поющую девушку у подъезда, — и сидящую передо мной в луже. Она заговорила первой:

— Ты же тот бомжик. Павел вроде, который в подъезде спал

— Павел, — я кивнул и задумался. Бомжик — так мило о моём социальном статусе ещё никто не отзывался.

— Ну встать-то помоги, или я уже не леди? — произнесла она.

— Что это вдруг? — я спрятал руки поглубже в карманы. Не забыв как она пару секунд назад назвала меня бомжом.

Она выдохнула и поднялась самостоятельно, отряхнулась от налипшей слякоти и принялась выжимать края куртки.

— Видимо, не леди, — хмыкнул я. — Раз сама справилась.

— Зато воспитанная, — она бросила на меня колючий взгляд. — В отличие от некоторых.

— Воспитанная леди ночью дома спит, а не у подъездов песни поёт.

— У меня хотя бы дом есть, — огрызнулась она.

Я на мгновение опешил, а потом не выдержал и расхохотался.

— Признаю, удар ниже пояса.

Она скрестила руки на груди, но я заметил, как дрогнули уголки её губ.

— Ладно, — вздохнула она. — Признаю, вчера был тяжёлый день. Хотелось побыть в одиночестве.

— Ну тогда извиняюсь, что ударил дверью, пойду, — я развернулся и зашагал вдоль по улице.

И заметил всё ту же знакомую патрульную машину. И её водитель заметил меня: он резко вильнул к обочине, припарковался и открыл окно.

Я стоял и смотрел на Олега Николаевича. «Я думал, он уехал», — пронеслось в голове. — «И что ему надо?»

— Пашка, подойди, — махнул он рукой.

Я нехотя поплёлся к его машине. Катя, которая стояла неподалёку, пошла за мной. «На кой чёрт?» — мелькнула мысль, но останавливать её я не стал.

Подойдя ближе, я заглянул в окно. Олег Николаевич сидел за рулём, слегка откинувшись на спинку кресла. Его лицо в тусклом свете выглядело усталым, а морщины вокруг глаз казались глубже обычного.

— Чё? — произнёс я коротко, засунув руки в карманы куртки.

Он хотел что-то съязвить в ответ на моё небрежное «чё», но тут заметил Катю. Та стояла по правую руку от меня и, поймав взгляд полицейского, помахала ему рукой, слегка улыбнувшись.

— Девушка твоя? — коротко кивнул он в её сторону.

Я невольно посмотрел на Катю. Она стояла, с любопытством переводя взгляд то на меня, то на Олега Николаевича. «Был бы не против...» — подумал я.

— Её зовут Катя, и нет, просто знакомая, — ответил на вопрос Олега Николаевича и продолжил: — Ну давай, говори, что тебе нужно. Холодно на улице, — я слегка переступил с ноги на ногу.

Он глубоко вдохнул, на мгновение уставился куда-то вдаль:

— Холодает, — произнёс он негромко.

— Да ладно, — отозвался я, приподняв бровь. — И к чему ты это начал?

Олег Николаевич постучал пальцами по рулю. Потом поднял глаза.

— Может, вернёшься всё же домой? — тихо произнёс он. — Не май месяц на дворе. Я терпел, когда ты убежал из дома летом. Но зимой... Я не могу позволить тебе околеть на улице.

— Я не околею, — буркнул я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Со мной всё нормально.

— Нормально! Ты это уже сколько раз говорил? А потом я тебя в больнице нахожу или в отделении, замёрзшего, голодного! Думаешь, мне это в радость? Сын целого капитана полиции по помойкам шарится. Ты о ней подумал, а? О матери... Царство ей небесное!

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает злость. Слова отца ударили точно в цель, задев то, что я старался не трогать годами. В груди защемило, но я тут же подавил это чувство, заменив его привычной горечью.

— Иди к чёрту, папаша, — прошипел я сквозь зубы. — Как ты смеешь вспоминать о ней? До смерти не вспоминал, а после явился... «Смотрите, какой я правильный и добропорядочный: Паша, вернись домой!» — я сплюнул под дверь машины.

— Ах ты сопляк! — яростно выкрикнул он из салона машины. Лицо его побагровело, на лбу отчётливо вздулась пульсирующая вена. — Ну я ещё тебе устрою, запомни мои слова!

Двигатель взревел, колёса закрипели по асфальту. Олег Николаевич рванул с места — прямо перед ним еле успела затормозить легковушки, отчаянно засигналив. Машина рыкнула, вильнула и умчалась вниз по улице, оставив за собой облако выхлопных газов и едкий запах жжёной резины.

Я стоял, глядя вслед исчезающему силуэту автомобиля, и пытался унять дрожь в руках.

— Может, кофе? — раздался рядом голос Кати, о которой я успел забыть в момент перепалки.

Я обернулся к ней. Она стояла в двух шагах, кутаясь в пуховик, и смотрела на меня с какой-то тихой грустью.

— Я же бомжик, откуда у меня деньги, — зло буркнул я ей и тут же осёкся. — Прости, не отошёл ещё.

Катя слегка улыбнулась — не насмешливо, а так, будто знала, что за моей грубостью прячется что-то другое.

— Я угощаю, — спокойно произнесла она.

— Ну раз ты угощаешь, тогда можно, — слегка отойдя от ссоры, ответил я на её предложение.

Глава 5

На мгновение я почувствовал себя частью общества, хоть и редкие посетители косились на меня с явной брезгливостью. Мог бы я подумать ещё вчера, что буду сидеть с симпатичной девушкой и пить кофе? То, что она симпатичная, я понял сразу — ещё на улице. Но когда она сняла верхнюю одежду, в груди неприятно кольнуло.

Я ещё раз посмотрел на неё: тёплый свитер с высоким горлом, длинные рыжие волосы, зелёные глаза. А кожа... Она была бледная, больше подходила утопленнику, чем живому человеку.

— Что-то не так? — она смущённо поправила волосы.

— Нет... Всё хорошо.

Аккуратно отпил горячий кофе и поморщился — нужно было попросить другой, нет, надо было взять чёрный без сахара. Ну, я в этом не разбираюсь, взял то же, что и девушка напротив.

— Ну, может, расскажешь, почему ты решила угостить кофе такого, как я?

Нет, я не выглядел так плохо. В том смысле, что на лицо достаточно симпатичный. Меня бы отмыть, причесать, переодеть — и вылитый жених, так бы, наверное, мама сказала, если бы была жива.

Я посмотрел на себя в панорамное окно и горько усмехнулся. В стекле отражался не просто грязный бездомный — в нём проступали тени прошлого: мальчишка с горящими глазами, юноша, полный надежд, человек, который верил, что у него всё получится. Теперь же передо мной сидел парень с потухшим взглядом, в потрёпанной куртке и с тенью усталости на лице.

— Не знаю, что ты имеешь в виду под словом «таким, как я», — Катя выдернула меня из размышлений. — Передо мной сидит обычный парень.

— Спасибо, — я оторвался от стекла и сделал ещё один глоток кофе. — Так и?

— Ах, да, — она встрепенулась. — Мне любопытно стало, что у вас с отцом? Можешь рассказать, пока кофе пьём.

Я попытался улыбнуться, но улыбка вышла вымученной:

— Длинная история. Вкратце: Олег Николаевич ворвался в мою жизнь резко, будто неизвестный родственник, — но слишком поздно. Нашёл меня уже на улице, рассказал, что он мой отец, который ушёл ещё до моего рождения, и забрал к себе. Ну а я по итогу убежал от него...

— Почему же? — мягко спросила Катя, не отрывая от меня взгляда.

Я вздохнул, поставил чашку на блюдце.

— Я об этом часто думаю: если бы мы встретились раньше... Если бы он не бросил меня и мать, смог уберечь — на крайний случай не дал попасть в приют, — всё сложилось бы по-другому. Моя жизнь могла бы пойти совсем иным путём. Обида, наверное, сыграла свою роль. «Где ты был раньше?» — мысленно спрашивал себя. Почему не появился, когда я ещё мог поверить, что кто-то обо мне позаботится?

Катя слушала молча, не перебивая. И когда я договорил, тихо произнесла:

— Ты злился на него за опоздание. Но на самом деле, наверное, злился на всех взрослых. На тех, кто должен был быть рядом, когда ты был маленьким и беззащитным.

— Да, — выдохнул я. — Именно так. Я не хотел принимать его помощь, потому что она пришла слишком поздно. Как подачка. Слово он решил искупить свою вину.

— Я не знаю, почему он ушёл из семьи, — произнесла Катя. — Но он же вернулся, как узнал о тебе, нашёл, попытался приютить. Разве это ничего не стоит?

Посмотрев в окно и не отрывая взгляда от своего отражения, произнёс:

— Наверное, стоит. Просто мне было сложно это принять. Принять, что кто-то может вот так вломиться в мою жизнь и сказать: «Я твой отец, давай жить по-новому».

Я сделал паузу, вспоминая. Голос невольно стал тише:

— Хоть мать и говорила мне, что у них всё было сложно. Отец постоянно в служебных командировках, дома практически не бывает, ругань, скандалы... А после они и расстались. Мать только потом узнала, что беременна мной, когда отец уже умчался в неизвестном направлении. Сказала, что ей не нужен такой папаша, что сама воспитает. — Я горько усмехнулся. Отвёл взгляд от своего отражения и уставился в чашку.

— Воспитала... — повторил я почти шёпотом. — В детдоме. Потому что сама не справилась. Болезнь, долги, потом — больница, а потом... её не стало. А я остался один. Совсем. Катя молчала.

— Когда Олег Николаевич вдруг объявился, — продолжил я, — мне уже было плевать. Я привык быть один, привык рассчитывать только на себя. А тут — бац! — и отец. Человек, которого я никогда не знал, хочет всё исправить. Но как? Как исправить годы одиночества? Как вернуть то, чего никогда не было?

— Может, он и не хочет исправить, — тихо сказала Катя. — Может, он просто хочет быть рядом. Знаешь, я тоже долго не верила в бескорыстие. Пока не встретила одного человека. Он научил меня, что иногда помощь — это не долг и не обязанность. Это выбор. И он выбрал помочь тебе.

Я помолчал, потом криво усмехнулся:

— И что теперь? Ты хочешь сказать, что я должен вернуться к нему и сказать: «Прости, я был не прав»?

— Не обязательно, — она слегка улыбнулась. — Но, может, стоит хотя бы поговорить? Не как обиженный мальчишка, а как взрослый человек, который наконец готов услышать.

Я сделал глоток остывшего кофе. На этот раз он не показался мне горьким.

— Возможно, ты права, — я поднял глаза на Катю. — Возможно, пришло время поговорить.

Она улыбнулась.

— Вот и отлично. А пока — давай допивать кофе и пойдём.

— Куда? — я потупил глаза.

— Как куда? — она отпила из кружки. — К Олегу Николаевичу.

— Так сразу?

— Ну а что тянуть? Или тебе симпатизирует провести ещё одну ночь на улице?

Я помолчал, теребя край рукава. В голове крутились десятки возражений: «А если он уже не хочет меня видеть?», «А вдруг я только помешаю?», «Что я ему скажу — извини, я передумал?».

— Просто... — я запнулся. — Это не так просто. Он предлагал помощь, а я отказался. Ещё и нагрубил. И теперь вернуться, как ни в чём не бывало...

Катя поставила кружку на стол и внимательно посмотрела на меня:

— Ты думаешь, он ждёт, что ты придёшь с повинной головой и будешь каяться?

— Ну... да. А разве нет?

— Нет, Павел, — она покачала головой. — Он ждёт, что ты придёшь живой. Что ты наконец позволишь ему помочь. И поверь мне, он не считает, что ты ему чем-то обязан.

Я сжал кулаки под столом:

— Но я же отверг его. Прямо в лицо сказал.

— И что? — Катя пожала плечами. — Он взрослый человек. Он понимает, что за этими словами стояло не презрение, а обида. Боль. Страх.

Я поднял взгляд:

— Откуда ты всё это знаешь?

— Потому что я сама через это проходила, — она слегка улыбнулась. — Когда-то я тоже считала, что просить помощи — значит показывать слабость. А потом поняла: просить помощи — это смелость. Признаться, что тебе тяжело, и позволить кому-то быть рядом.

За окном пошёл снег, день уступал дорогу вечеру. Я смотрел на улицу и вдруг осознал, что уже давно не чувствовал себя настолько... услышанным.

— Допустим, — я выдохнул. — Допустим, я готов попробовать. Но как? Просто прийти и сказать: «Здравствуйте, Олег Николаевич, я передумал»?

— Можно и так, — Катя рассмеялась. — Но я бы предложила что-то более душевное. Например: «Олег Николаевич, я был не прав. И я очень благодарен вам за то, что вы не перестали обо мне думать».

Я невольно усмехнулся:

— Звучит... слишком искренне.

— А ты попробуй. Иногда простые слова работают лучше самых хитрых оправданий.

Я посидел ещё немного, давая мыслям улечься. Катя не торопила: она допивала свой кофе и неотрывно следила за танцем снежинок за окном — те кружились медленно, будто нехотя. По улице спешили редкие прохожие, машины проплывали мимо, растворяясь в непогоде. Вдоль тротуара один за другим загорались фонари, накрывая город тёплыми оранжевыми куполами света, где в каждом танцевали, белые хлопья.

На душе вдруг разливалась удивительная теплота. Не оттого, что я решился принять помощь — нет. А оттого, что впервые за время бродячей жизни я был не на улице, а в тепле. Пил кофе. И рядом сидел человек, который не гнал меня прочь, а был готов выслушать.

— Хорошо, я пойду, — разорвал я затянувшееся молчание.

Она оторвала взгляд от окна и улыбнулась:

— Пойдём, я провожу тебя.

Катя расплатилась за кофе, и мы вышли на улицу.

Морозный воздух тут же обжёг лицо, но теперь это не раздражало — наоборот, отрезвляло, помогало собраться с мыслями. Снег поскрипывал под ногами, кружился, оседал на волосы и плечи. Катя поправила капюшон и кивнула в сторону реки которую хорошо было видно отсюда.

— Прогуляемся вдоль берега?

— Почему бы и нет, — я кивнул.

Течения почти не было — казалось, его вообще нет. Но лёгкое подрагивание камыша у берега говорило об обратном. Я невольно посмотрел на Катю: она шла рядом и пристально разглядывала другой берег — покосившиеся домишки, груды глины и брёвен, оставшиеся от чахлах домов. Хлопья снега оседали на её бледном лице, задерживались на ресницах. Вдруг она повернула голову в мою сторону — я резко отвёл взгляд, чувствуя себя глупо.

— Знаешь... — она чуть запнулась, но продолжила, — я когда-то там жила.

— За рекой, что ли?

Она на мгновение задумалась:

— Да, у матери. — В её голосе прозвучала какая-то непривычная нотка — будто что-то давнее и тяжёлое всплыло из памяти.

Она замолчала, глядя на тот берег. И вдруг я увидел её не как уверенную, собранную девушку, а как маленькую девочку, которая росла среди этих отголосков прошлого.

— Это было давно, — продолжила она тише. — Мы жили в старом доме у самой воды. Зимой река почти замерзала, но не до конца. По утрам лёд трещал так, будто кто-то ходит рядом, а по ночам я слышала далёкие песни. Меня это пугало. — Катя с горечью усмехнулась. — Мама говорила, что это мавки, и наотрез запрещала приближаться к берегу, если вдруг услышу, что кто-то поёт.

Я слушал, не перебивая.

— Мать работала на кирпичном заводе, — Катя поправила капюшон, но взгляд не оторвала от противоположного берега. — Возвращалась поздно, усталая, с красными руками. А я сидела у окна и ждала её. И в один из дней набралась смелости, вышла к реке — опять услышала тот самый треск.

Она сделала паузу:

— Глупо, да? Но тогда это было важно. Я должна была доказать себе, что по тому льду не ходят незнакомцы или какие-то выдуманные существа — что это просто моё воображение.

Катя повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза:

— Я подошла к реке и услышала красивую песню — от неё невозможно было оторваться.

Она снова замолчала, шагая вдоль берега. Снег продолжал падать, укрывая следы, а ветер слегка покачивал камыш.

— И что было дальше? — спросил я едва слышно.

— Я вышла на лёд, — ответила она.

Она остановилась возле небольшого деревянного мостика:

— Пришли. Вон там дом моей матери. Пойду в гости, загляну.

Я хотел было спросить у неё, что произошло потом, после того как она вышла на лёд, но она неожиданно крепко обняла меня, прижимаясь всем телом. Я опешил, растерялся — не знал, как на это реагировать, и на мгновение даже забыл, как дышать.

— Знаешь... — тихо произнесла она, уперев лицо мне в грудь.

От неё веяло прохладной водой и лёгкой ноткой ила — или, может, этот запах доносился от реки неподалёку? Я не мог разобрать, всё смешалось в какой-то странный, завораживающий аромат.

— Ты не похож на других людей, — продолжила она едва слышно. — В тебе есть что-то иное...

Она приложила ухо туда, где по определению должно было биться моё сердце. Но в тот миг мне показалось, что оно решило не задерживаться на своём привычном месте — сорвалось и ускакало куда-то в пятки, заставив ноги слегка подрагивать. Ситуация была настолько непривычной и странной, что я словно выпал из реальности.

— Даже твоё сердце бьётся по другому, — прошептала она.

Внезапно резко отпрянула, широко улыбнулась — и, прежде чем я успел что-либо сообщить, быстро поцеловала меня в щёку. Затем, легко взбежав на мостик, помахала рукой и направилась на ту сторону.

Несколько секунд я стоял, ошарашенный, и смотрел ей вслед. Снег по-прежнему кружил в воздухе, лениво опускаясь на плечи, а ветер шевелил пряди волос, выбившиеся из-под её капюшона. В голове метались мысли: что это было? Почему так внезапно? Ощущение нереальности не отпускало — будто я только что пережил какой-то волшебный, почти сказочный миг, который теперь растаял, оставив после себя лишь лёгкое покалывание на щеке и странное тепло где-то внутри.

Глава 6

На улице уже стемнело. Я стоял перед подъездом Олега Николаевича и переваривал всё случившееся за день. Особенно меня беспокоила Катя — не она сама, а её внезапный поцелуй. Хотя и в щёку, робкий, я бы даже сказал, словно по-детсадовски... Но в тот момент в груди что-то загорелось — словно из-под давно затухшего пепелища сначала проступила струйка дыма, а за ней и вспыхнуло пламя.

Я помялся несколько минут, переступая с ноги на ногу. В голове снова и снова прокручивалась сцена у мостика: её объятия, быстрый поцелуй, машущая рука... Сердце невольно ускоряло ритм при каждом воспоминании.

Наконец я решился — сделал шаг и потянул дверь на себя. На удивление, домофон не работал, и дверь открылась с лёгкостью. Скрип петель прозвучал непривычно громко в вечерней тишине.

Впервые, наверное, с того момента, как сбежал на улицу, я захожу в подъезд — не для того, чтобы переночевать. Первый барьер сломан. Следующий — дверь Олега Николаевича.

Вот тут оказалось куда тяжелее. Я стою возле неё минут пятнадцать, не решаясь постучать или нажать на звонок. В голове крутятся десятки оправданий, чтобы развернуться и уйти: «Он занят», «Сейчас не время». Но я всё равно стою — ноги будто приросли к полу.

Редкие соседи проходили мимо, но не обращали на меня никакого внимания. Как на зло, именно сейчас мне хотелось, чтобы один из них рявкнул на меня, выпнул на улицу. Я бы пожал плечами и пошёл дальше, отмахнувшись: «Ну, я пытался. Обстоятельства сложились по-другому». Это было бы так просто — получить внешний повод уйти, снять с себя ответственность за выбор.

Вместо этого — тишина. Шуршание чьих-то шагов на верхнем этаже, отдалённый гул телевизора за стеной, голоса где-то в глубине квартиры напротив. И я — посреди этого привычного, но чужого мира, зажатый между прошлым и настоящим.

Рука сама потянулась к звонку, замерла в паре сантиметров от кнопки. Пальцы слегка дрожали. Я глубоко вдохнул, пытаюсь унять волнение, и выдохнул — медленно, почти бесшумно. В груди всё сжалось, будто перед прыжком в ледяную воду.

«Ну же, — мысленно подбодрил я себя. — Ты пришёл сюда не просто так. Ты хотел поговорить».

Ещё пара секунд — и я наконец нажал на звонок. Короткий, резкий звук разорвал тишину подъезда. В животе будто завязался тугой узел. Теперь пути назад уже не было.

Но за дверью — тишина.

«На что я рассчитывал?» — пронеслось в голове. На что? Что он побежит открывать мне дверь, хоть и, наверное, не знает, что это именно я пришёл? Может, подкрался к глазку, увидел меня — и теперь, замерев, ждёт, пока уйду?

В голове всплыла картина: усатый дядька, капитан полиции на пятом десятке лет, на цыпочках подкрадывается к двери, прищурив глазом к окуляру, хмурит брови... Я невольно усмехнулся — настолько нелепой оказалась эта мысленная зарисовка.

Решился ещё раз надавить на звонок. В квартире прочиркала протяжная трель, но опять — ничего. Ни шороха, ни шагов, ни вопроса «Кто там?»

Я напряженно выдохнул и уже собирался уходить — развернуться, спуститься по лестнице, раствориться в вечерних улицах, как вдруг вздрогнул от голоса ниже по лестнице:

— Ты что, парень, к Олегу?

Обернулся. На пролёт ниже стоял сосед — дед в старом спортивном костюме, с мусорным ведром в руке. Он прищурился, разглядывая меня.

— Ну... да, — неуверенно ответил я. — К нему.

— Так нету его, — махнул ведром дед. — На смене он, утром только будет.

— Как я мог забыть... Он же сегодня в участке был, — пробормотал я. — Мог сам логически догадаться. Что он на сутках.

— Так что сегодня его уже не жди, — продолжил дед и захлопнул за собой дверь, скрывшись в квартире.

Ну вот и повод свалить нарисовался. Но почему-то уходить вовсе не хотелось. Ноги будто налились свинцом.

Я присел прямо на коврик, уперевшись спиной в дверь. Прикрыл глаза, уперев подбородок в грудь. В тишине подъезда слышалось лишь моё дыхание да отдалённый гул города за стенами. И вдруг — на мгновение — я уловил аромат Катиных духов, которые всё ещё оставались на мне. Веяло запахом кувшинок и тины, будто она только что вышла из воды.

«Необычные духи», — подумалось мне. Лёгкие, с какой-то глубинной, почти речной прохладой. Они не были похожи ни на что из того, что я знал. И вместе с этим запахом в памяти всплыли её глаза, взгляд, полный чего-то невысказанного, тот внезапный поцелуй в щёку, её слова о мавках и трескучем льде...

Мысли путались, замедлялись, словно погружались в тёплую воду. Тело расслабилось, напряжение, копившееся весь день, понемногу отпускало. Я проваливался в полудрёму — не сон, а какое-то зыбкое состояние между реальностью и воспоминаниями.

Интересно, сколько я проспал... Эта мысль кольнула первой, перед тем как я открыл глаза и попытался понять, что именно меня разбудило. Вроде всё как обычно: в небольшом окне по лестнице ниже — всё ещё темно, в подъезде практически звенящая тишина, если бы не одно «но». Тихая, едва заметная песня.

Я замер, прислушиваясь. Голос пел откуда-то издалека — то ли с улицы, то ли из глубины дома, будто просачивался сквозь стены. Неразборчивые звуки, похожие на шёпот ветра в тростнике, сплетались с мелодией, напоминавшей журчание ручья. Постепенно они складывались в тихие, мелодичные слова полные надрыва: то голос почти срывался на плач, то пытался вернуть прежний чарующий тон — и всякий раз чуть-чуть не дотягивал. В нём звучала такая тоска, что сердце сжималось.

Ой, да не спи, родной, не грусти,
Я не в пути, я — в глубине воды.
Тайну мою ты разгадал,
Страх с восторгом в душе смешал...

Голос был нежным, убаюкивающим — словно материнский, что укачивает перед сном. Но в нём таилась загадочная сила: он обволакивал, затягивал, будто вязкое болото. Каждое слово отдавалось в груди лёгким покалыванием, а в висках начинала пульсировать мелодия. Я почувствовал, как веки тяжелеют, словно наливаются свинцом.

Ты — мой сон, мой путь во мгле,
Да не быть нам у той воды на земле.
Знает ум твой: я — не та,
Где любовь была — там пустота...

Мелодия то взмывала вверх, то снова падала, угасая в тихом, надломленном шёпоте. В ней было столько боли, что на мгновение мне показалось — я слышу не песню, а чей-то последний вздох. И всё же в ней таилась удивительная, пугающая притягательность.

Закрывай очи, не бойся, родной,

Не зову тебя в край водяной.
Буду рядом с тобой бродить,
Под водою, чтоб не видеть...

Лик мой мёртв, в очах — туман,
Тина — дом мой, берег рван.
Не ищи меня, милый мой,
Я живу тут под водой...

С каждым словом ощущение нереальности нарастало. Мир вокруг будто размывался, теряя чёткие очертания, а голос становился всё ближе — уже не издалека, а где-то рядом, за спиной, у самого уха. Он убаюкивал, уговаривал сдаться, отпустить контроль, раствориться в этой мягкой, вязкой тишине...

Бед за мною — не счесть, друг,
След мой бледный ведёт вокруг.
Засыпай, не думай, родной,
Чей же голос поёт ночной...

Если б мог ты не узнать меня,
Если б смог принять — любя...
Да видишь ты сквозь туман, сквозь стан,
Сквозь веков забытый обман...

В какой-то момент я осознал, что уже не просто слушаю — я чувствую эту песню. Она текла по венам вместо крови, билась в такт сердцу, шептала в самое ухо. И так легко было поддаться, так сладко было закрыть глаза...

Встречу я рассвет речной,
Да надежды нет никакой.
Ты живи, не вспоминай,
Уплываю — в край родной...

Ой, то не ветер над водой веет,
То мавка песню поёт, тоскует...
Спи, родной, во тьме ночной,
Я — туман, я — плеск волны... до весны...

Последние слова, словно прозвучав у самого уха, растаяли в воздухе, оставив после себя лишь гулкую тишину и странное ощущение пустоты. Я глубоко вздохнул. Сон всё-таки взял своё, но где-то глубоко внутри всё ещё звучала та мелодия — то похожая на плач, то на шёпот, то на мольбу, то на угрозу. По телу пробежала дрожь, а в сознании эхом отдавалось: «Я — туман, я — плеск волны... до весны...»

Глава 7

Глаза не хотели открываться. Первым до сознания донёлся шум: далёкие гудки машин, гул города, глухие шаги в подъезде.

Я нашёл силы и слегка приоткрыл глаза. За окошком светало. Я мог поклясться, что мне снилась прекрасная песня, — только слов вспомнить уже не мог.

Мимо, недовольно бурча, проходили местные жители — кто-то торопился на работу, кто-то выгуливать собаку. Только теперь я окончательно осознал, где нахожусь: обшарпанные стены подъезда, выцветшие объявления, запах сырости. Реальность обступила со всех сторон, вытесняя остатки сна.

И тут прозвучал голос — резкий, будто ведро ледяной воды, опрокинутое на голову. Я вздрогнул и окончательно очнулся, стряхнув последние обрывки сна.

— Паша? — вопросительно обратился ко мне Олег Николаевич.

Я резко встал на ноги, поспешно отряхивая одежду от налипшей за ночь грязи, и коротко улыбнулся, не зная, что сказать.

Он застыл на минуту — будто внутри него что-то щёлкнуло, замерло, а потом, словно заклинившие шестерёнки, вставшие в его голове, закрутились с новой силой. Широко улыбаясь, он в пару махов взбежал на ступеньки и принялся радостно хлопать меня по плечу. Я опешил — не ожидал такого приёма от слова «совсем».

Он раскинул руки, как медведь, и заграбастал меня в свои объятия — крепкие, почти удушающие, — а потом, чуть ослабив хватку, поставил на ноги и слегка встряхнул.

— Прости, прости, — он торопливо начал подбирать ключ. — Ты ко мне?

— Да, — коротко ответил я, взлохмаченный, пару раз чихнув от выбитой из меня пыли. — Я... ждал тут. Давно.

Он нашёл подходящий ключ, провернул в замке, толкнул дверь:

— Заходи, давай, разувайся.

Он поставил пакет с контейнерами в прихожей. Нырнул направо в комнату, через мгновение кинул мне под ноги тапочки — потрёпанные, с облезлыми носами:

— Прости, не помню, когда последний раз мыл полы.

Я скинул кроссовки, закрыл за собой дверь и проследовал за ним на кухню. Помещение оказалось небольшим, но уютным: старый стол у окна, пара стульев, на стене — календарь с видом моря, который явно висел тут уже не первый год. Пахло чем-то домашним — может, остатками ужина или просто теплом, которого мне так не хватало последнее время.

Он устало уселся на стул, потянулся, хрустнув спиной, и провёл рукой по лысоватой голове.

— Ты как? В гости или по делу? — спросил он, кидая на меня внимательный взгляд.

Я сел напротив, сжал пальцы в замок, чтобы унять дрожь.

— По делу, — выдохнул я. — Но сначала... спасибо, что впустил.

Он кивнул, встал, открыл дверцу холодильника, достал бутерброды, поставил передо мной тарелку, и жестом предложил мне.

— Рассказывай, — сказал просто. — Всё по порядку.

Я ел бутерброды, запивая горячим чаем, и рассказывал ему всё, что со мной произошло. Он то хохотал, то кивал, внимательно слушая, иногда переспрашивал — уточнял детали, будто складывал из них какую-то невидимую мозаику.

— Так ты всё это время просто боялся прийти? — наконец спросил Олег Николаевич, и поставив чашку на стол с лёгким стуком.

Я кивнул головой. В горле вдруг пересохло, и я сделал ещё глоток чая.

— Да брось ты, — он слегка хлопнул ладонью по столу. — Я же тебе всегда говорил: мой дом — твой дом. Ты что, забыл?

Я опустил взгляд на свои руки — они всё ещё слегка дрожали, хотя дрожь уже не была такой заметной.

— Забыл, — тихо признался я. — Или... не верил до конца. Всё казалось, что я только мешаю. Что ты занят, что у тебя свои дела, что... в общем, много чего казалось.

Олег Николаевич откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и посмотрел на меня так, будто впервые увидел по-настоящему.

— Паша, — произнёс он мягко. — Ты не мешаешь. Никогда не мешал. Я ведь не просто так это говорил. Ты мой сын, понимаешь? И если тебе нужна помощь, крыша над головой или просто кто-то, кто выслушает, — я здесь. Всегда.

В груди что-то сжалось. Я сглотнул, стараясь не выдать эмоций, но голос всё равно дрогнул:

— Спасибо, — прошептал я. — Просто... спасибо.

Он улыбнулся — тепло, по-доброму.

— Ну вот и славно, — сказал он, потянувшись к бутерброду. — А теперь давай по порядку. Расскажи ещё раз про Катю.

— В смысле? — я положил бутерброд на стол, уронив пару крошек на штаны.

— Ну кто эта твоя Катя?

Я замер, по спине пробежали мурашки.

— Как это кто... Я к машине с ней подходил, тогда, помнишь? — я вопросительно смотрел на него. По выражению его лица было понятно, что он не шутит, но я всё равно попытался напомнить. — Такая, с рыжими волосами, большие зелёные глаза... И кожа... бледная-бледная.

Олег Николаевич нахмурился, провёл ладонью по редющим волосам и покачал головой.

— Паша, — произнёс он тихо, — ты подходил тогда один, я точно помню. Да и как забыть, момент где тебя родной сын к чёрту посылает... Ты уверен, что она была рядом?

Тишина на кухне стала почти осязаемой. Резкий сигнал машин за окном прозвучал особенно громко, будто хотел прорвать эту гнетущую паузу. Настенные часы методично щёлкали, отсчитывая секунды, которые тянулись невыносимо долго.

Я почувствовал, как ладони стали влажными.

— Но... я же видел её! — мой голос дрогнул. — Я с ней разговаривал, мы ходили вдоль реки, она рассказывала про мавок, про то, как вышла на лёд...

Олег Николаевич внимательно посмотрел на меня — с какой-то новой, тревожной заботой.

— Давай-ка ещё раз, Паша. С самого начала. Расскажи мне всё, что помнишь про эту встречу. Каждую деталь. Где именно вы встретились? Как она выглядела в тот момент? Что говорила?

В его глазах загорелся уже профессиональный интерес, как у опытного следователя. Он внимательно смотрел на меня, взял с края стола блокнот и карандаш — словно ждал, пока я начну рассказывать, чтобы составить точный портрет девушки.

— Не может этого быть... — я поднялся со стула на непослушные ноги.

— Ты куда собрался? — он недоумевающе глянул на меня, слегка приподняв брови. Карандаш замер над чистым листом блокнота.

— Надо кое-что проверить, — я пошёл в прихожую, по пути скидывая тапочки и залезая в свои сырые кроссовки. Пальцы дрожали, когда я завязывал шнурки.

Олег Николаевич встал и последовал за мной.

— Паша, стой, — его голос прозвучал мягче, но в нём чувствовалась настойчивость.
— Куда ты собрался в такое время? На улице только светать начало, сейчас там только те, кого собаки по нужде заставили выйти, или кто на другой конец города на работу добирается.

Я выпрямился, натянул куртку и посмотрел ему в глаза:

— К мосту. Я должен туда сходить. Она должна была быть...

Он вздохнул, провёл рукой по лицу, будто пытаясь собраться с мыслями.

— Ладно, — наконец произнёс он. — Тебя всё равно бесполезно останавливать — нет, так вылезешь в окно с третьего этажа.

Но я уже его не слушал. Закрыв за собой дверь и оставив Олега Николаевича наедине со своими мыслями, я торопливо выбежал из подъезда.

Глава 8

Рассвет только начинал набирать силу. Небо на востоке едва порозовело. Улица казалась пустынной и какой-то призрачной: фонари ещё горели, отбрасывая жёлтые круги света на заснеженный асфальт, а дома вырисовывались тёмными силуэтами на фоне светлеющего неба.

Я почти бежал, не замечая колючего ветра, обжигающего щёки. В голове билась одна мысль: «Она была настоящей. Она должна быть настоящей». Я воскрешал в памяти её голос, улыбку, тот неожиданный поцелуй в щёку... Всё это не могло быть плодом воображения.

Тротуары покрывал подтаявший снег, местами схваченный ледяной коркой. Я свернул в узкий проулок между домами — так было короче к мосту. Здесь царила ещё более густая тьма: фонари не горели, и лишь свет из окон верхних этажей падал на сугробы, рисуя причудливые тени.

Дыхание вырывалось облачками пара, сердце билось часто и неровно. Я ускорил шаг, затем снова перешёл на бег. В ушах шумело — то ли от порывов ветра, то ли от волнения, сдавившего грудь.

Наконец впереди показались очертания моста: обветшалые деревянные перила, старая табличка с полустёртым названием улицы. Я остановился у начала, переводя дух, и огляделся.

Никого.

Лишь ветер гонял обрывки старых газет у бордюра да где-то вдали лаяла собака.

Река внизу текла медленно, отражая первые лучи рассвета. Я вглядывался в берег напротив — туда, куда ушла Катя в тот день.

Она говорила, что на том берегу живёт её мать. Мой взгляд зацепился за одиноко стоящий домик почти у самой воды — старую хатку, с которой осыпалась побелка, обнажая потемневшие брёвна.

Я приблизился к краю моста, замер. Поручень выглядел так, будто рассыплется от одного прикосновения. Осторожно постучал по нему костяшками пальцев — раздался глухой, трескучий звук. Опирается на него явно не стоит. Я двинулся вдоль перил; доски под ногами предательски хрустели, словно готовые вот-вот провалиться. Я знал, что река здесь неглубокая — максимум по грудь, — но перспектива искупаться в ледяной воде не вызвала энтузиазма.

Над головой внезапно раздался оглушительный «кар!». Меня качнуло, и я невольно оперся на перила. Сначала послышался тихий треск, затем вдоль поручня пробежала новая трещина. Кусочек дерева откололся, глухо стукнул о балку и, упав в воду.

Я поднял голову. Надо мной, широко взмахнув крыльями, пролетела ворона и уселась на иву у берега. Ветви дерева, низко склонившиеся над водой, от чего казались живыми — будто их тянуло к реке невидимой силой.

— Чёрт бы тебя... — выругался я, поспешно отступая подальше от шаткой конструкции.

Застыл, едва ступив на берег. Где-то в глубине сознания зазвучал шёпот — едва уловимый, словно шелест листвы в глухом лесу. Я огляделся, но не увидел ничего, кроме ворон, которых, казалось, стало больше. Они провожали меня взглядами, перепрыгивали с ветви на ветвь, деловито чистили перья клювами.

Самое тяжёлое позади. Теперь оставалось аккуратно обойти лужи и ямы — и вот он, небольшой дворик. Грубо сколоченный забор из разношёрстных досок, калитка, висевшая на одной петле. Двор был усыпан подтаявшим снегом, окна затянуты рваной плёнкой. Единственное, что указывало на присутствие здесь людей, — натоптанная тропинка к покосившемуся крыльцу да слабый дымок, поднимающийся из трубы.

Я собрался с мыслями. «Она же должна существовать!» В голове не укладывалось, как я мог пить кофе с призраком, как мог разговаривать с ним, как он мог заплатить за моё кофе... Я горько усмехнулся.

Выдохнул и постучал костяшками по ржавому почтовому ящику. Тишина. Постучал ещё раз — снова никто не отозвался. «Да, это, видимо, моё проклятие, — подумал я. — Куда бы я ни пришёл, либо не отзываются, либо сразу же прогоняют».

Я уже потянулся, чтобы постучать ещё раз, как вдруг услышал откуда-то со стороны камышей, тянувшихся вдоль всей реки, тихий, едва уловимый шёпот:

— Павел... Подойди... Не бойся...

Сейчас действительно стало жутко. В паранормальное я привык не верить, но в этот миг мои сомнения понемногу таяли. Сначала я лишь отдалённо слышал, что кто-то меня зовёт. Потом этот зов перерос в тоненький писк, выгнавший из моей головы все мысли. Я аккуратно сделал шаг в сторону звука — или этот шаг сделал не я, а кто-то заставил меня? В висках неприятно застучало.

Воздух вокруг будто сгустился, стал тяжелее. Камыш шелестел всё громче. Я обернулся, надеясь увидеть кого-то за спиной, но двор оставался пустым.

Шаг за шагом я приближался к реке. Голос манил, тянул за собой, и сопротивляться ему становилось всё труднее. В груди нарастала тревога, но ноги сами несли меня вперёд — туда, где камыши колыхались, словно приглашая войти в их гущу.

— Ох, окаянный, шо ломишься-то спозаранку?! — раздался хриплый голос прямо за спиной.

Неожиданный голос словно вытолкнул из моего сознания чужое присутствие. Мои ноги задрожали. Я ещё немного всматривался в камыши и словно услышал недовольное ворчание оттуда — а потом будто что-то скрылось в воде. Я тяжело сглотнул: во рту сразу стало сухо.

Обернулся — у забора стояла сгорбленная старуха. Она вышла незаметно, будто выросла из земли, и теперь смотрела на меня пронзительным взглядом. На ней был тёмный платок, туго обмотанный вокруг головы, а в руке — корявая клюка, которой она угрожающе ткнула в мою сторону.

— Да я... я просто... — запнулся я, пытаюсь прийти в себя.

— Просто?! — перебила она скрипучим голосом. — Места тут не простые, не для шатания всякого! Чего припёрся, а?

— Я... я ищу кое-кого.

— Кого ещё ищешь? — прищурилась старуха.

— Послушайте, — я сделал осторожный шаг к ней, — я ищу девушку по имени... Катя. Старуха замерла. Лицо её побагровело, глаза вспыхнули гневом. Она замахнулась клюкой:

— Как смеешь ты имя её поминать, бесстыжий?! — зашипела она. — Да как ты вообще про неё узнал, а?! Убирайся, пока кости целы, не то проклянущу!

Я отступил на шаг, но не сдался. Сердце колотилось где-то в горле, но я понимал: если сейчас отступлю, то потеряю единственный шанс разобраться во всём этом безумии.

— Прошу вас, выслушайте! — я поднял руки в примирительном жесте. — Я не хотел никого обидеть. Я правда её знал. Мы встречались... совсем недавно.

— Как ты мог её знать? — старуха сделала короткую паузу, её голос дрогнул. — Утопла она давным-давно. Лет двадцать уж минуло, как река её забрала.

Я замер, не веря её словам.

— Она... она была живой, настоящей, — выпалил я. — Мы пили кофе вместе, разговаривали... Она рассказывала мне о том, что вы работали на кирпичном заводе, о том, как вы ей запрещали подходить к реке. Говорила, что... что раньше считала, будто просить помощи — это слабость, а потом поняла, что это смелость...

Женщина медленно кивнула, и её плечи слегка дрогнули.

— Живой, говоришь... — прошептала она, и её глаза покраснели, готовые вот-вот сорваться на старческие тяжёлые слёзы. — Живой она была... давно. Слишком давно. Катя

— моя дочь. Она утонула здесь, в этой реке, двадцать лет назад. Весной, когда лёд ещё не до конца сошёл...

Я почувствовал, как земля уходит из-под ног. Всё, что казалось реальным, вдруг рассыпалось на осколки.

Она помолчала, глядя куда-то вдаль, за реку.

— Просить помощи — не слабость, а смелость, — она горько улыбнулась, отдаваясь воспоминаниям. — Помню. Однажды пришла вся в слезах — её обидели в школе, а она не хотела жаловаться. А я ей тогда сказала: «Если не можешь справиться сама — попроси. Это не стыдно». И она запомнила. Больше никогда не боялась просить о помощи... пока... — голос старухи дрогнул, — пока не случилось то, что случилось.

— А ты... откуда ты про неё знаешь? — тихо спросила она. — Говори правду, не таи.

Я замер, не зная, что ответить. Во рту всё ещё было сухо, а сердце билось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди.

— Я... видел, — наконец произнёс я.

Старуха вздохнула, покачала головой:

— Ох, беда... Видно, не отпустила она этот мир. Не успокоилась душа. А ты, мил человек, берегись. Такие встречи — не к добру. Уходи отсюда, пока цел. И молись, чтобы больше её не встретить.

— Вы так спокойно об этом говорите, — я невольно сжал кулаки. — Да как же так? Вы говорите, что она умерла, а я её собственными глазами вчера видел! Она не просто была жива — она была осязаема!

Старуха лишь хмыкнула.

— Знаешь, сынку, сколько я тут живу? — поинтересовалась она, уперев ладони в клюку. Я покачал головой.

— При мне этот город строился, при мне моих соседей за шиворот выпнули. Остались только я да пара стариков по улице дальше.

— Но как это относится к тому, что я видел вашу дочь?

— Не перебивай, — ткнула она мне в грудь клюкой. — Ты думаешь, тут всегда был этот город? — Она хриловато рассмеялась. — Да тут, милоч, и земли-то толком не было — болото да лес глухой. А за тем мостом, где нынче город стоит, стояла деревня, Славкино звалась.

Я невольно оглянулся, пытаюсь представить себе вместо широких улиц и каменных домов что-то иное.

— Тридцать дворов всего, — продолжала старуха, задумчиво глядя вдаль. — Избы рубленые, крепкие. Крыши — тёсом крыты, а у кого побогаче — дранкой. В каждом дворе — баня, амбар, хлев и огороды.

Она помолчала.

— Жили там дружно, по обычаю. Весной, как земля оттаёт, всем селом выходили на первую пахоту. Летом, на Купалу, костры жгли, венки плели, в реку бросали. Кто чей найдёт — тому и счастье в дом придёт.

Я слушал, затаив дыхание.

— А зимой, на Коляду, ряженые по дворам ходили, песни пели, хозяев славили. Им за то пироги да мёд давали. И каждый знал: обидеть колядовщиков — беду накликать.

Вдруг из дома донёсся глухой стук, за ним — звон, будто кто-то смахнул со стола чашки, а следом — дробное «бум-бум-бум», словно по половицам покатилося ведро.

Старуха вздрогнула, медленно обернулась к избе. Брови сошлись над переносицей, губы поджались.

— Ну, и что это за безобразие? — громко спросила она, не повышая голоса, но так, что слышно стало в каждом углу двора. — Опять ты хулиганишь?

Она упёрла руки в бока и строго глянула на окно, будто видела сквозь стекло.

— Я тебе вчера оладьев оставила, мёду капнула — чего ещё надо? Неужто мало? Или опять обиделся, что я полы польностью помыла? Так то ж не против тебя, а от нечисти всякой... Из дома донеслось ещё одно глухое «бух» — будто стул опрокинули.

— Ах, ты ещё и огрызаешься?! — Она тяжело выдохнула. — Смотри у меня! Сегодня без молока останешься, и чтоб до вечера не шалил, а не то венником по углам пройду — будешь знать, как хозяйку пугать!

Она помолчала, прислушалась. Внутри стало тихо — ни шороха, ни скрипа. Только где-то в сенях тихо звякнула подвешенная на гвоздь связка ключей.

Я ошарашенно смотрел на это зрелище с открытым ртом. «Что происходит? — пронеслось у меня в голове. — С ума сошла?»

Старуха снова повернулась ко мне и продолжила:

— Прости, юноша. Домовой волнуется, — сказала она так буднично, словно у нас тут в каждой квартире и доме по домовому живёт.

— Так вот, — она опять упёрла руки в клюку, продолжая свой рассказ, — в центре села — капище было, с Идолом деревянным. К нему ходили, когда беда случалась, просили защиты. А если кто заболит — бабка-травница отвар сварит, да ещё и заговор нашепчет. Верили — помогает.

— И долго так жили? — тихо спросил я.

— Да век бы жили, — кивнула старуха. — Да пришла цивилизация, а за ней и деревни не стало. А земля помнит, как тут раньше было...

Она замолчала, опустив голову.

— Теперь и следа не осталось, — прошептала она. — Всё под камнем да асфальтом. Но я помню. И ты запомни, милоч: на этой земле не город первым был — а деревня. И люди в ней — настоящие были...

Я недоумённо посмотрел на неё. Как её рассказ связан с тем, что я видел её дочь, которая, по её словам, умерла двадцать лет назад? Решив спросить напрямую:

— А как ваш рассказ связан с тем, что я видел вашу дочь?

Старуха вздохнула тяжело, и взгляд её стал далёким, будто она смотрела не на меня, а сквозь годы.

— Видел, говоришь... — тихо повторила старуха. — Да, видел. Потому что она не ушла до конца. Не смогла.

Я подался вперёд.

— Как это — не смогла?

Старуха подняла глаза — в них застыла такая боль, что у меня перехватило дыхание.

— Я же сказала земля, милоч, помнит всё. И тех, кто её любил, и тех, кто обидел. А моя Катя... Она сердцем к ней приросла. К этим полям, к лесу, к речке нашей. Не хотела уезжать. «Мама, — говорила, — как же я без всего этого? Тут каждая травинка меня знает, каждое дерево мне друг...»

Старуха сжала дрожащие руки, голос её зазвучал глуше:

— Я на работе была, а когда пришла — её уже не было. Всех соседей обошла, в милицию о пропаже написала...

Она замолчала, глотая слёзы. Я стоял, боясь пошевелиться.

— И что потом?

— Потом, — старуха заговорила почти шёпотом, — однажды я домой вернулась и услышала... смех. Лёгкий, как ветер в листве. Оглянулась — а она стоит. Но не как прежде. Светится чуть-чуть, а глаза... не человеческие.

Я почувствовал, как волосы на затылке зашевелились.

— Мавка, — выдохнула старуха. — Вот кем она стала. Душой места, что её растило. Не покойница, не живая — между. Теперь она тут бродит, где земля помнит её шаги. Потому ты

и видел её, милоч. Она тем, кто слышит землю, показывается. Тем, в чьём сердце бьётся ещё что-то древнее.

Старуха снова опустила голову, и я вдруг понял: она не только о дочери говорит. Она о чём-то большем — о памяти, о связи, что не рвётся даже после смерти.

— Спасибо... — прошептал я и замер. — И извините, что заставил вспомнить.

Всё ещё тяжело верилось в её рассказ. Он звучал не как правдивая история — а как бессвязный бред, вырвавшийся из глубин расшатанного сознания.

Но верить хотелось. Не потому, что я вдруг принял её слова за чистую монету, нет. Просто других объяснений не было — совсем. Ни одного рационального довода, который мог бы объяснить всё, что со мной произошло. Ни единого факта, способного развеять этот липкий туман безумия.

«Может, я и правда сошёл с ума?» — мелькнула мысль. Я усмехнулся — горько, безрадостно. Не от злорадства над этой старой женщиной, а от того, насколько пугающе правдоподобно звучало это объяснение. Оно ложилось на всё, как идеально сшитый костюм.

Она подняла на меня красные глаза и прошептала:

— А ты не смейся, не в твоём положении смеяться.

Я вопросительно посмотрел на неё. Хотел было сказать, что даже не думал насмеяться над её горем, но, только я открыл рот, как она снова заговорила:

— Обычный человек не способен видеть тех, кто прячется, тем более вступать с ними в контакт. Если ты ещё жив, значит, чем-то понравился моей дочери. Пусть вода упокоит её душу.

— А теперь ступай. Больно уж лес волнуется. Не к добру это всё.

И правда, я не заметил, как поднялся ветер — не просто ветер, а настоящая буря. Он задул с такой неистовой силой, что далёкий лес начал сгибаться, словно под натиском невидимого исполина. Ветви трещали, стволы скрипели, клонились всё ниже и ниже — казалось, ещё миг, и вековые деревья рухнут, вырванные с корнем.

— Ладно... Простите, что потревожил, пойду.

— Иди, иди.

Я немного постоял, поплотнее кутаясь в куртку — тщетная попытка укрыться не столько от холода, сколько от собственных мыслей. Развернувшись, я направился обратно. Каждый шаг давался тяжелее предыдущего, будто земля цеплялась за подошвы.

Глава 9

Я уже подходил к мостику, но что-то заставило меня обернуться. Старуха всё ещё стояла на своём месте — застывшая, словно высеченная из камня.

Я замер. Кровь заледенела в жилах, когда я увидел, как воздух у её ног задрожал, пошёл рябью, словно поверхность воды под порывом ветра. В ту же секунду из этого марева возникло существо.

Это был домовой — да, именно он! Именно такой, каким его изображали в старых книгах и фантастических журналах: невысокий, коренастый, в седой шерсти. Он больше походил на поросший мхом пенёк, чем на мифическое существо. Борода до пояса, огромные уши подрагивали — будто прислушивались к чему-то неведомому. Пронзительный, внимательный взгляд впился в меня, изучая с явной настороженностью. Мгновение — и наши глаза встретились. Я замер, будто парализованный.

Резко закрыл глаза, вдавил их ладонями так, что перед веками запрыгали огненные искры. Сосчитал до трёх, открыл — и никого. Только старуха. Всё так же стоит. Всё так же смотрит.

— Всё... — сердце пропустило удар. — Допрыгался. Я точно схожу с ума.

Но едва эта мысль мелькнула в сознании, как я услышал голос. Он звал меня — тихий, вкрадчивый. Я крутанул головой, пытаюсь отыскать источник, но звук, казалось, доносился отовсюду сразу — со всех сторон, из-под земли, из самого воздуха. Встретился взглядом со старухой — её лицо исказила тревога, губы беззвучно шевелились, будто она пыталась предупредить меня о чём-то.

Это было пение. Не слова — просто мелодия, безымянная, она звучала прямо в моей голове, заполняя собой все мысли. Я снова резко обернулся — и в тот же миг ветер ударил с такой силой, что меня окатило ледяной водой из ближайшей лужи. В нос ударил резкий запах тины, гниющих камышей и речной воды. Прядь волос упала на глаза, перегородив обзор, — я отшвырнул её, и в этот момент...

В небо взметнулась чёрная воронья туча. С мерзким, душераздирающим карканьем птицы зависли над мостом в десятке метров от меня и начали кружить, кружить, кружить... А голос всё пел и пел, пел и пел...

— Ой, то не ветер над водой веет... — донеслось издали, еле слышно, будто сквозь вату.

— Кто это?! — выкрикнул я, вертясь на месте, как затравленный зверь.

— То мавка песню поёт, тоскует... — прошептал голос где-то в камышах, дрожащий и печальный.

— Не слушай её, окаянный! — старуха кричала, пытаясь перекрыть карканье ворон и вой ветра, её голос срывался на хрип.

— Спи, родной, во тьме ночной... — с отчаянной тоской донеслось из леса, и этот шёпот, казалось, проникал прямо под кожу.

Паника накрыла меня ледяной волной. Хотелось упасть на землю, закрыть уши руками и кричать, кричать, пока этот кошмар не закончится. Но я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и сделал шаг к мосту. Ещё один. Ещё...

И вдруг — тишина. Абсолютная, гнетущая, давящая на уши. Мир замер, звук исчез, будто его вырвали из моих ушей. Я почувствовал — ледяное дыхание у самого затылка, и присутствие чего-то чуждого за моей спиной.

— Я — туман, я — плеск волны... до весны... — прошептал голос прямо на ухо, обдавая кожу ледяным дыханием.

Резко развернулся — но никого. Ни звука, ни шороха. А в следующее мгновение мир обрушился на меня с новой, почти физической силой: ветер хлестнул по лицу, запахи тины и гнили ударили в ноздри, карканье ворон взорвалось над головой, словно тысяча ржавых гвоздей вонзилось в уши.

И тут — сквозь весь этот хаос — донёлся мелодичный смех. Лёгкий, переливистый, будто серебряные колокольчики над водой. Вслед за ним — плеск волн, ритмичный, завораживающий.

Я рванул к мосту, не разбирая дороги, под отчаянный крик старухи — но что она кричала, я уже не слышал. Её голос тонул в этом вихре звуков, как камень в бурной реке.

Пронёсся по мосту, ноги сами несли меня вперёд, пока вдруг — краем глаз — я уловил движение в воде.

Замер как вкопанный.

В реке, по пояс в тёмной воде, стояла она. Катя. Она кружилась в каком-то причудливом, нечеловечески плавном танце, покачиваясь в такт невидимой музыке. Её губы шевелились — она напевала ту самую песню, ту самую мелодию, что звучала у меня в голове.

Я подошёл ближе к перилам, оперся на них. Древесина под руками жалобно затрещала, заскрипела, будто предупреждая.

— Отойди отсюда! — донёлся голос старухи, полный отчаяния.

Она ковляла к мосту, с трудом переставляя ноги, цепляясь клюкой за неровную землю. Нас разделяло не больше ста метров — пустык для меня, но целая вечность для старой женщины.

— Не губи парня! — выкрикнула она снова, и от мольбы в её голосе по спине пробежал колючий мороз.

— Вон она, настоящая! — я обернулся, голос сорвался на крик. — Её нужно спасти, она утонет!

— Она не настоящая! — старуха задыхалась, грудь ходила ходуном. — Отойди, кому сказано!

Я не мог оторвать глаз от Кати. Капли воды скользили по её обнажённому телу, оставляя блестящие дорожки. Её движения были гипнотическими — плавные изгибы рук, покачивание бёдер, поворот головы... Всё в ней манило, звало к себе.

Невольно подался вперёд, перевешиваясь через перила. В этот момент прямо над ухом оглушительно каркнула ворона. Я резко повернул голову — она сидела в полуметре от меня, уставившись чёрными бусинками глаз, и хрипло каркала, будто насмехаясь.

— Отвали! — я раздражённо махнул рукой, отгоняя её прочь.

Перила не выдержали резкого движения. Раздался громкий хруст — и в следующий миг опора под руками исчезла. Древесина раскололась пополам с жалобным стоном. Мир перевернулся, время замедлилось, и я полетел вниз..

Меня дёрнуло с такой силой, что дыхание оборвалось. Я замер в воздухе, глухо захрипев от боли — плечи пронзила острая, режущая боль. В глазах заплясали чёрные круги, сливаясь в сплошную тьму, а в ушах застучала кровь.

С трудом подняв голову, попытался понять, что удерживает меня на весу. Это была куртка — она зацепилась за острый обломок доски, торчащий из перил. Я висел, неестественно вывернув руки, чувствуя, как суставы вот-вот не выдержат.

Катя уже не танцевала. Она стояла в воде, чуть покачиваясь на волнах, и смотрела на меня с холодной, почти издевательской улыбкой — как на мотылька, безнадежно запутавшегося в паутине.

Чарующая мелодия, что звучала в голове, исчезла без следа. Вместо неё пришёл страх — ледяной, всепоглощающий. Я чувствовал, как он заполняет меня изнутри, вытесняя все

остальные мысли. Кожа от испуга, наверное, стала такой же бледной, как у Кати — такой же неживой, такой же нечеловеческой.

Над головой послышался торопливый стук шагов по доскам.

— Хватайся, болван! — раздался хриплый голос старухи.

Она с криканием опустилась на четвереньки у края моста, протягивая ко мне дрожащую руку. Её лицо исказилось от напряжения, вены на шее вздулись.

— Вы не вытянете меня! — прокричал я сквозь вой ветра и карканье ворон.

— Не списывай со счетов старую женщину! — попыталась она улыбнуться, но улыбка вышла кривой, неестественной. Будто я уже был трупом, а она уговаривала меня, что всё не так уж и плохо.

Куртка затрещала, угрожающе закричала ткань. Я дёрнулся, пытаюсь подтянуться, но только усугубил положение.

— Не вертись, дурень! — прошипела старуха, стараясь не смотреть вниз, на реку. Её взгляд метался между мной и тёмной водой, в которой всё ещё стояла Катя.

Я потянулся к ней, вытянул руку до предела. На мгновение кончики моих пальцев коснулись её тёплых, шершавых ладоней — таких живых, таких настоящих...

И в этот миг куртка с громким, отвратительным хрустом порвалась.

Мир снова перевернулся.

Я полетел вниз, в тёмную, ледяную воду. Последнее, что я увидел, — лицо старухи, искажённое ужасом. Куртку, всё ещё цепляющуюся за обломок доски, беспомощно развивающуюся на ветру, из кармана издевательски, выпорхнул тот самый билетик с цифрами 108.

Вода встретила меня жестоким, оглушающим ударом — будто в грудь ударили кувалдой. Воздух вырвался из лёгких судорожным хрипом, и я стремительно погрузился под поверхность. Течения не было — или я его просто не ощущал. Я опускался вниз с пугающей плавностью, словно невесомое перо, подхваченное потоком.

Холод, который должен был обжигать кожу, постепенно отступал. Напротив, вода перестала приносить дискомфорт — она словно начала греть, окутывая меня мягким, усыпляющим теплом. В голове мелькнула отстранённая мысль: «На сколько ещё я должен опуститься, чтобы нащупать дно?»

Я продолжал погружаться. Вода вокруг стала поразительно прозрачной — настолько, что на мгновение я увидел всё, что происходило наверху. Вороны кружили надо мной, образуя неестественно ровный круг, будто нарисованный на небесном холсте. Сквозь толщу воды проступило покрасневшее лицо старухи — её губы шевелились, словно она кричала, но до меня не доносилось ни звука.

А потом я увидел себя. Не грязного, измученного, с растрёпанными волосами — а юного, почти ребёнка. Лицо было чистым, спокойным, с мягкими чертами. Серые глаза смотрели на меня с теплотой и уютом.

Внезапно рядом возникла рука — тонкая, бледная, с проступающими синеватыми венами. Я машинально вытянул свою руку и сцепился с ней в замок.

И тогда я увидел её лицо. Рыжие волосы, расплывались вокруг головы, словно водоросли. Взгляд был спокойным, безмятежным, лишённым всякой тревоги. Губы — неестественно алые на бледном лице — слегка улыбались.

Она рванулась ко мне и поцеловала — нежно и одновременно страстно. По спине пробежала волна приятного тепла, растекаясь по всему телу. Я неосознанно подтянул её ближе, обхватил за талию, прижимая её тело к своему.

Под нами, словно разверзлась бездна — глубокая, мерцающая голубым свечением. Оттуда, со дна реки, поднимался мягкий, чарующий свет — он окутывал меня, обволакивал, затачивал в себя. Я постепенно растворялся в нём, продолжая прижимать к себе девушку. Её волосы обвивали мои плечи, а глаза всё так же смотрели на меня — спокойно, без страха.

Постепенно всё вокруг растворилось. Кроме мягкого мерцающего свечения, ничего уже не было видно. Я словно перестал находиться в воде — я провалился глубже, в пролом между мирами. С одной стороны — теплота и уют, обволакивающие, убаюкивающие. С другой — тонкий разрез, через который ещё виднелся прежний мир.

Девушка продолжала безмятежно прижиматься ко мне. Её голова лежала на моей груди. Губы дрогнули, и она произнесла шёпотом, который прозвучал не в ушах, а прямо в сознании: — Не бойся...

В тот же миг разлом надо мной с сухим, леденящим хрустом захлопнулся — будто крышка пыльного саркофага. Голубоватое сияние исчезло, далёкие силуэты прошлой жизни растворились без следа. Не осталось ничего: ни света, ни звуков, ни страха. Только абсолютная тишина, глубокий уют и нереальное спокойствие, от которого больше не хотелось никуда бежать.

Я закрыл глаза — и наконец расслабился.

Глава 10

Быть похороненным заживо — страшно, но ещё страшнее услышать стук по крышке гроба с обратной стороны.

В какой-то момент я смирился с мыслью, что всё закончилось. Но этот удар выдернул меня из темноты. Время потеряло смысл. Я не знал, сколько часов или дней провёл в беспмятстве. Зато ясно почувствовал: возвращение к жизни — не радость, а болезненное пробуждение. Ты снова ощущаешь себя, снова существуешь — и это вызывает лишь отторжение. В тот миг я вдруг понял, почему новорождённые плачут. Не из-за первого вдоха, не из-за лёгкого толчка акушера. А потому, что они осознают: то, что казалось вечным теплом и безопасностью, было лишь иллюзией. И теперь им предстоит столкнуться с реальностью.

Этот стук — моё сердце. Он звучал где-то далеко, словно из другого мира, потом становился всё отчётливее, настойчивее.

Невидимые, но удивительно осязаемые руки мягко подхватили меня и понесли к поверхности. Тьма отступала медленно, неохотно, растворяясь в мягком сиянии. Я вдохнул — резко, судорожно, до боли в лёгких. В висках заколотило, кровь ударила в голову, мир обрёл чёткость.

Ладони, державшие меня, исчезли так же незаметно, как и появились. Я остался на поверхности воды — неподвижный, удивлённый, живой. Мир вокруг замер в ожидании моего следующего вдоха.

Вокруг по-прежнему было темно, но это уже не та глухая, давящая глубина — это была ночь, мягкая и просторная.

Дышал осторожно, будто заново учился этому простому действию, — медленно, почти медитативно. Вдох — и меня слегка выталкивает на поверхность; выдох — и я чуть погружаюсь, вода касается век, заливает глаза.

Сосредоточившись, я выровнял дыхание — и тут же мой взгляд зацепился за ночное небо. Оно проступало сквозь силуэт кривых, скрюченных деревьев, что высились со всех сторон. «Как же красиво...» — первая мысль вспыхнула в сознании. В городе редко увидишь такое звёздное, чистое небо. Оно переливалось всеми оттенками глубины, мерцало, будто в такт дыханию самого мира.

Я вздрогнул и наконец осмотрелся по сторонам.

Свет луны чётко высвечивал место, в котором я оказался: не просто водоём, а настоящее болото. Я лежал на поверхности воды, окружённый торчащими пнями и редкими трухлявыми деревьями. Лёгкая дымка висела над покрытыми мхом кочками, придавая пейзажу призрачные очертания.

Вдруг от одной из кочек что-то или кто-то опустился в воду с характерным плеском, оставляя на поверхности расходящиеся круги.

Не успел я сообразить, что происходит, как чья-то рука схватила меня за шиворот свитера и поволокла к ближайшему берегу. Я хотел начать сопротивляться, но понял, что сил на это нет. Меня тащили, а я, покачиваясь на волнах, замечал, как тут и там в воде проступают широкие круги. Десяток существ, скрытых под водой, плыли в мою сторону, тревожа тёмную гладь.

— Что происходит?.. — прошептал я — и в тот же миг рот заполнила вонючая вода, горькая и противная.

Тишина. Лишь толчок, будто сама вода решила меня вытолкнуть, — и вот я уже ударяюсь спиной о берег.

Неведомые создания всё ещё скользили под поверхностью, явно направляясь ко мне. Перекатившись на живот, я нащупал под пальцами шершавый корень, вцепился в него и подтянулся, с трудом вытаскивая себя на берег.

Вода передо мной зашевелилась. Из тины медленно поднялась голова — водоросли облепили её причудливым зелёным париком. На меня уставились глаза — холодные, немигающие.

— Не приближайся к воде, — прозвучал тихий, женский голос. Он был настолько серьёзным, что у меня мгновенно отпало всякое желание даже близко подходить к кромке.

Неизвестный спаситель ещё несколько мгновений буравил меня взглядом — будто проверял, усвоил ли я предупреждение. Затем резко ушёл под воду. От места погружения разошлась широкая волна, устремляясь прочь от берега. Остальные создания, будто получив немой сигнал, словно по команде, рванули за ним, постепенно удаляясь.

«Больно уж хотелось», — подумал я, наблюдая, как в дымке исчезают преследователи.

Так, а где я вообще?.. Стоило мне об этом подумать, как воспоминания, словно удерживаемые плотиной, дрогнули. И вот один отколовшийся камень предзнаменовал: сейчас плотина рухнет — и в голову ударит поток образов и воспоминаний. Так и произошло, только не маленьким ручейком, а огромной волной, сносящим на своём пути всё: деревья, дома, людей, — погружая мою голову в водоворот боли.

Я обхватил голову ладонями, не в силах совладать с потоком образов: утро, город, слякоть, река, старуха, вороны, Катя... Всё это мелькало в голове картинками, сопровождаясь острой, невыносимой болью. И когда всё резко встало на свои места, неприятные ощущения исчезли.

А вместе с тем пришло осознание, которое закрутилось глубоко в животе, вызывая неподдельный ужас. Я вскочил на ноги, качнувшись.

— Катя! — выкрикнул я, разорвав тишину.

Но единственное, что услышал, — собственное эхо и протяжный «ух!». С ветви неподалёку, ударив крыльями, вспархнула птица, пролетела над болотом и скрылась по ту сторону.

— Есть тут кто-нибудь?! — ещё раз выкрикнул я, и голос эхом отразился от тёмных деревьев.

В тот же миг я почувствовал странное шевеление на коже — будто тысячи крохотных лапок пробежали по телу. Опустил взгляд — и сердце ёкнуло: всё тело было облеплено какими-то чёрными червями. «Пиявки!» — тут же всплыл в голове пугающий образ. Я вспомнил: ещё в воде ощущал лёгкое покалывание, но тогда не придал этому значения.

Я заколотил руками по плечам, спине, бёдрам, лихорадочно стряхивая мерзких тварей. Поспешно стянул свитер — на нём их скопилось больше всего — с отвращением отшвырнул в сторону. Пальцы дрожали, когда я срывал скользких существ.

Не обнаружив больше паразитов на своём теле, я замер. Возле берега слегка плеснула вода — и в меня что-то прилетело. Потом снова, и снова...

Я вгляделся в воду. В том же месте, где раньше показалась голова, теперь стоял силуэт, с ног до головы покрытый тиной. Он замахивался и метал камни. Я испуганно отпрянул, сердце застучало чаще.

И тут я услышал тихий голос:

— Что ты орёшь? Хозяина разбудишь, олух!

— Хозяина... — тихо произнёс я, ещё отступая на шаг.

Я опешил. Голос показался знакомым — настолько, что я невольно приложил ладонь к лицу, пытаясь осознать происходящее.

— Катя? — Голос дрогнул.

— Нет, блин, леший! — она ещё раз швырнула в меня камешек. Он пролетел мимо уха и зашуршал в кустах за спиной.

— Хватит! — я уворачивался как мог, инстинктивно прикрывая голову руками.

— Ну а что ты такой глупый? — Катя подкинула камень на ладони, разглядывая его с деловитым равнодушием. — Это был единственный способ, чтобы ты обратил на меня внима-

ние. Ты так увлёкся танцами с пиявками, что не замечал ничего вокруг. Не буду же я вопить, как ты посреди ночного болота, в попытках привлечь внимание!

Она бросила камень в воду — он отскочил пару раз и ушёл на дно.

— Сначала загорал тут, как на пляже, потом вдруг начал орать во всё горло. А я только-только от тебя покойников отвела, понимаешь? Успокоила их, убедила, что ты — не добыча. Что лишний покойник в этом болоте не к чему.

Её голос звучал раздражённо и устало. Я замер, пытаюсь осознать, всё сказанное.

— Где я вообще? — спросил я, понемногу приходя в себя. — Болото, покойники, даже небо тут какое-то чужое. Словно я... в другом мире? — я уставился на неё, широко раскрыв глаза.

Катя сдержанно засмеялась — коротко, невесело.

— Потому что ты и так в другом мире, — отрезала Катя. — И если будешь орать, накликаешь беду.

Я сглотнул, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

— И чем быстрее ты это примешь, тем проще будет выжить. — Продолжила она.

— Выжить... — прошептал я и опустился на землю, глубоко выдохнув.

В принципе, выживать мне не привыкать — половину сознательной жизни я так и существовал: в переходах, у мусорных баков. Но тут, похоже, никаких приютов для бездомных не предусмотрено, да и тёплых подъездов тоже. Я невольно усмехнулся, представив, как ищу ночлег под корявым деревом или прячусь от дождя в дупле трухлявого ствола.

И вдруг меня накрыло: вся эта сюрреалистичная ситуация показалась до нелепости смешной. Меня прорвало. Я хохотал до слёз, до колик в животе, упал на землю и катался, не переставая хохотать.

— Ага, прямо в другом мире! — произнёс я сквозь смех, задыхаясь.

— Заткнись! — прошипела Катя. — Сказала же не шуметь!

И она окатила меня холодной водой. Я вздрогнул, принялся отплёвываться, протёр глаза — и вдруг осознал: Действительно что тут смешного.

Я помрачнел, поднялся на ноги, стряхивая с себя мусор который осел на мне после воды.

— Ладно, ладно, я понял. Всё это шутка, розыгрыш. Вылезай из воды. Пойдём, покажешь, как к городу выйти.

Она молча покачала головой. В этот момент с её волос сорвался кусок тины закрывающий её лицо практически полностью.

Я замер. Перед моими глазами открылось лицо — неестественно бледное, почти светящееся в лунном свете. Глаза, затянутые белой плёнкой, не моргали, не фокусировались — они смотрели сквозь меня, в какую-то дальнюю точку за горизонтом. Фиолетовые губы были плотно сжаты.

Прохладная ночь. Тишина. И это лицо — слишком странное, слишком неправильное. Моё зрение, вопреки темноте, стало чётким, острым, будто кто-то включил невидимый проектор. Я видел каждую мелочь: трещины на губах, капли воды, стекающие по шее, водоросли, прилипшие к волосам. И чем больше я видел, тем сильнее понимал: это не розыгрыш.

Меня пробрала дрожь. Передо мной стоял не человек — труп, самый настоящий.

Я сделал шаг назад от берега, потом ещё один, пятясь и не спуская глаз с Кати? Или это была не она? Сомнения терзали меня, но факты говорили сами за себя: передо мной было нечто, что уже не принадлежало миру.

Она не шевелилась. Ни единого движения — даже веки не дрогнули. Я застыл на месте, лихорадочно пытаюсь сообразить, что тут происходит.

— Извини... — прозвучало вдруг неожиданно.

В тот же миг она опустилась глубже — так, что над поверхностью остались лишь глаза. Они смотрели на меня: холодные, отстранённые... но от чего-то — будто виноватые?

— За что... — мой голос дрогнул, — за что ты извиняешься? Что вообще здесь происходит?

— Ты не боишься меня? — спросила она с искренним удивлением.

— Боюсь, — я попытался выдавить улыбку, но вышло жалко. — Но не тебя. А всего этого... вся эта непонятная ситуация вызывает у меня страх.

Она коротко хмыкнула, выпрямилась во весь рост и шагнула ко мне. С её плеч и рук срывались клочья тины и водорослей, оставляя за ней тёмные следы на поверхности воды. Она вышла на берег — в каких-то двух метрах от меня.

В бледном свете луны я наконец смог разглядеть её целиком. Она действительно походила на утопленника. Длинная белая рубаха, почти до самых пят, плотно облепила тело, подчёркивая каждую линию.

Каждый её шаг был уверенным, почти вызывающим. Она подошла вплотную. В нос ударил резкий запах — холодной воды, ила и тины.

— А так? — прошептала она, остановившись в шаге от меня, позволяя разглядеть каждую деталь. — Теперь боишься?

Я помотал головой и тяжело сглотнул, чувствуя, как в груди что-то сжимается — не от ужаса, а от странного, почти болезненного любопытства.

— Нет, — едва слышно ответил я на её вопрос.

Она удивлённо вскинула брови и отступила на шаг.

— Станный ты, Павел, — она скрестила руки за спиной и чуть нагнулась вперёд, словно изучая меня. — Обычно люди, которые меня видят, чуть ли в обморок не падают. «Кричат: Мавка, мавка! Спасайтесь, бегите!» — она театрально изобразила испуг на лице, широко раскрыв глаза, а потом вдруг рассмеялась — тихо, но звонко

Я невольно улыбнулся в ответ, хотя внутри всё ещё подрагивало от напряжения.

— Можно? — я протянул к ней руку, стараясь, чтобы жест выглядел не угрожающе.

Она вопросительно посмотрела на меня.

— Можно что? — её брови снова приподнялись в удивлении.

— Дотронуться до тебя, — я усмехнулся, но смех вышел нервным. — Мне просто кажется, что я во сне... или умер.

Она замерла на мгновение. Ветер шевельнул её мокрые волосы.

— Ты и правда странный, — тихо произнесла она. — Большинство бегут, едва увидев. А ты хочешь прикоснуться.

Я замер, не убирая руки, ожидая ответа.

Наконец она медленно кивнула.

— Хорошо, — она взяла мою ладонь и приложила к своей щеке. Кожа оказалась неожиданно тёплой — не ледяной, как я ожидал. Под пальцами отчётливо бился пульс — ровный, спокойный, совсем человеческий.

— Видишь? — прошептала она. — Я настоящая. И ты — тоже. Теперь веришь?

Я кивнул, не в силах оторвать взгляд. Всё стало слишком реальным.

— Но... если ты настоящая, кто ты? И почему я здесь?

Она чуть отстранилась, но мою руку не отпустила.

— Я та, кого люди зовут мавкой, — тихо ответила она.

Я сглотнул, всё ещё не отрывая ладони от её кожи.

— И... почему же я тут? — тихо поинтересовался я, ещё помня, что совсем недавно был обычным городским бездомным, а сейчас нахожусь тут, посреди болота по её словам в другом мире.

Она посмотрела мне в глаза, изучая. Но не спешила отвечать на мой вопрос.

— Я отчётливо помню, как ты заманила меня в воду, — тихо произнёс я, и голос дрогнул.

— И утопила, — добавил одними губами, отстраняя руку и делая шаг назад.

Её лицо на мгновение исказилось. Она опустила взгляд, и несколько прозрачных капель сорвались с ресниц, упав на тёмную землю.

— Нет, Павел, — выдохнула она едва слышно, почти шёпотом. — Я тебя не топила. Я просто отсрочила неизбежное.

— Отсрочила неизбежное? — начал я, но резко оборвал фразу.

Вода за её спиной заволновалась: поверхность пошла пузырями, забурлила, будто что-то огромное и могучее зашевелилось на самом дне. Катя резко обернулась через плечо, лицо её исказилось в хищном оскале.

— Беги! — она резко дёрнула меня в сторону леса. — Хозяин проснулся. Почувствовал человека в своих владениях!

— Подожди! — я споткнулся о выступающие корни, ноги начали вязнуть в сырой, липкой грязи. — Кто это такой?

Мы замерли у края густой чащи. Катя вновь бросила тревожный взгляд на болото. Из тёмной воды действительно что-то поднималось — огромная тень, едва различимая в ночи. Катя повернулась ко мне и быстро, на одном дыхании, выпалила:

— Держись лунного света. Беги через чащу, не останавливайся ни на миг. В паре километров отсюда — человеческая деревня. Выйдешь к людям, а все вопросы — потом. Я сама тебя найду, когда придёт время.

Она сильно толкнула меня в спину и крикнула во весь голос:

— Беги!

По коже пробежал ледяной озноб. Краем глаза я уловил в темноте очертания чудовища, выходящего на берег, — и рванул вперёд. Ветви кустарника цеплялись за одежду, впивались в кожу, обжигали руки. Низко склонившиеся деревья хлестали по лицу. Я морщился, спотыкался, падал, вставал и снова бежал — не оглядываясь, лишь бы оказаться как можно дальше от этого проклятого места.

Бежал, пока силы не иссякли окончательно. Я выбежал на одинокую полянку среди густых зарослей, упал на сырую траву, едва дыша: лёгкие горят, в висках стучит. Заставил себя вдохнуть глубже — медленно, ещё раз. Мир вокруг размыт, но постепенно очертания обретают чёткость. Вслушался. Тишина... Такая плотная, осязаемая — словно вата облепившая уши.

И вдруг — шёпот. Не слова, а словно дыхание: листья перекатывают звуки, мох приглушает шаги, ветви переговариваются на своём языке — ш-ш-ш... ш-ш-ш...

Где-то рядом — бульканье болота, тягучее, зловещее: бульк... бульк... Будто опять что-то огромное заворочалось в глубине.

Вдалеке — вой. Не волчий, нет. Что-то иное, первобытное, от чего кровь стынет в жилах. Вжимаюсь в землю, стараюсь слиться с травой, стать невидимым.

Из чащи — шаги. Мягкие, вкрадчивые. То ли звериные, то ли человеческие — не разобрать. Шаг... пауза... шаг... Кто-то кружит, дышит влажным, гнилостным воздухом. Ветви трещат — то ближе, то дальше, будто неведомое существо играет со мной, издевается.

А потом — смех. Тихий, хриплый, будто из-под воды: хи-хи-хи... Он скользит вокруг — то слева, то справа, то прямо за спиной. Кто это? Не могу понять. Но кожей чувствую: они видят меня. Знают, что я здесь.

Вскочил на ноги, машинально хватая с земли первое что нащупал. Посмотрел — палка. Горько усмехнулся: будто это могло помочь. Озираясь по сторонам, вгляделся в чащу — тени шевелились, играли со зрением, дразнили неясными очертаниями.

Резкий треск в кустарнике заставил меня попятиться, рядом, буквально в пяти метрах. Пугающий, отчётливый. Сердце сдавило в груди.

Короткий, глухой вскрик — и только потом понял: это вырвалось из моего горла.

Развернулся — и снова бежать. Прочь от полянки, прочь от зловещего хохота, что, казалось, преследовал, витал в воздухе за спиной.

Мгновение — опора под ногами пропала. Невесомость, короткий полёт...

Удар. Жёсткий, оглушающий. Вспышка боли, я поморщился. Упал на дно какой-то ямы — колодец? Чёрт его знает... Метра три отделяло меня от неясного шума, доносившегося сверху.

Звук шагов. Хруст веток. Чей-то шёпот. Кто-то ходил надо мной кругами — медленно, методично. Искал. Бормотал что-то неразборчивое. Принюхивался, будто зверь.

Я замер в неестественной позе: одна нога застряла в корнях, оплетающих стенку ямы, вторая, согнутая в колене, упёрлась в землю. Рука за спиной была прижата к рыхлой, осыпавшейся почве. Пальцы невольно вцепились в неё, словно пытаюсь найти опору.

Сердце колотилось так, что отдавалось в висках. Дышать становилось всё тяжелее — воздух был густым, словно пропитанным моим собственным страхом. А темнота... Она была не просто отсутствием света. Она давила, втягивала в себя, будто хотела поглотить целиком.

И всё затихло — резко, словно выдернули шнур из розетки. Остались только шелест ветра да моё прерывистое дыхание, отдающееся эхом в тесной яме.

Я сглотнул — в пересохшей глотке кольнуло острой болью. Пальцы судорожно вцепились в корни, оплетающие стенку. Я заёрзал, пытаюсь освободиться из оков этой импровизированной могилы, но каждое движение лишь отнимало силы. Ноги затекли, мышцы ныли, а корни будто нарочно цеплялись за одежду, не давая сдвинуться с места.

Мышцы окончательно отказали — ноги подкосились, руки безвольно повисли. Перед глазами заплясали чёрные точки, постепенно сливаясь в сплошную пелену. Дыхание стало поверхностным, будто кто-то сдавил грудь — и в этот миг мир рухнул в беззвучную пропасть.

Глава 11

— Светко, глянь-ка... В яме-то, кажись, человек!

Сквозь вату в ушах я различил чей-то голос, аккуратно приоткрыл глаза — сознание понемногу приходило в чувство. На краю ямы застыл силуэт незнакомца.

Тело затекло так, что казалось, будто я пролежал тут целую вечность. Голова гудела, в висках стучало, а воспоминания о минувших событиях всплывали обрывками, словно ночной кошмар. Я глухо застонал от осознания того, что это была реальность.

— Эй, живой ещё, парень? — голос прозвучал ближе.

Незнакомец присел на корточки. С края посыпалась земля — мелкие комья полетели вниз, осыпая меня, застревая в волосах, попадая на глаза. Я прикрыл лицо ладонью. Пошевелиться было непросто: тело не слушалось, словно парализованное.

— Живой! Помогите! — выкрикнул я вдруг так резко, что сам испугался собственного голоса. Мужчина невольно отпрянул, и очередная порция земли осыпалась вниз.

— Тише ты, буян! — усмехнулся он. — Сейчас вытащим. Потерпи.

Он отошёл от края и пропал из виду. На миг сердце замерло: а вдруг уйдёт? Бросит тут, в этой сырой яме? Но тревога оказалась напрасной — через несколько минут он вернулся. Не один. Рядом с ним стоял другой мужчина, и оба теперь смотрели вниз.

— Встать сможешь? — спросил второй. Голос у него был низкий, ровный.

Я заёрзал, распутываясь из сплетения корней. Они цеплялись за одежду, за руки, не желая отпустить. Постепенно я выбрался из этих оков, с трудом поднялся на затекшие ноги — и вдруг заметил, что яма-то не такая уж и глубокая. Просто снизу она казалась бездной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.